

ДМИТРИЙ ШАТРОВ

РЕНАРД

ЩЕНОК
С ОСТРЫМИ ЗУБАМИ

ИДДК

КНИГА 1

Дмитрий Шатров
Ренард. Щенок с
острыми зубами. Книга 1
Серия «Ренард», книга 1

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69136654

Аннотация

Жизнь мальчишки – всегда сложная штука. Особенно в мире меча, церковной магии и тёмной волшбы. В мире, где Триединый давит древних богов, где друиды противостоят святым братьям, а мифическая нечисть портит жизнь людям. Его будущее предопределено, но на пути такие препятствия, что не всякому взрослому по плечу. Только Ренард де Креньян с малых лет не привык отступать.

Он воин Бога!

Его карающая длань. Искоренитель ереси, защитник паствы его и проводник его воли!

Он – Пёс Господень!

Но это чуть позже. А пока он всего лишь подросток. Щенок, пусть и с острыми зубами.

Содержание

Пролог	5
Пролог	19
Глава 1	35
Глава 2	53
Глава 3	68
Глава 4	87
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Дмитрий Шатров
Ренард. Щенок с
острыми зубами
Книга 1

© Шатров Дмитрий

© ИДДК

* * *

Пролог

Часть первая

Во все времена грусть-печаль топили в вине. В нём же искали вдохновение. Им же отмечали радостные события. И во все времена были кабаки, трактирчики, рюмочные...

Этот трактир назывался «Снулая рыба». Здесь больше топили.

Что подвигло хозяина окрестить своё заведение именно так, осталось загадкой, но название получилось из категории «говорящих»: тесное помещение с низкими потолками; в почерневшие балки намертво въелась копоть; очаг больше дымил, чем грел; тусклое пламя свечей отбрасывало на стены дрожащие тени. В воздухе витал непередаваемый аромат подгорелой селёдки, а прокисшее пиво насквозь пропитало доски столов.

И при всём при этом за каждым кто-то сидел. Где по одному, где по двое, а где целой кодлой. Но пропитые лица посетителей выражали уныние, речи звучали невнятно, а редкие движения были суетливыми. Зато пили здесь как в последний раз. Выпивохы накачивались дешёвым пойлом в стремлении добавить хоть каплю радости в свою никчёмную жизнь... или на время забыться, что вероятнее.

Лишь один человек выделялся из тусклой однообразной

массы.

В центре зала восседал рослый статный мужчина – олицетворение рыцарских былин, стародавних сказаний о силе Гийома и о красоте Роланда.

Выющиеся русые волосы, плечи в сажень, мощная прямая спина... Большого было не рассмотреть, потому что как раз спиной к выходу он и сидел. На кожаной куртке отпечатались следы кольчужных колец, жесты сильных рук выдавали уверенного в себе человека.

Единственный, кто не бежал от забот, а просто наслаждался едой и питьём. Хотя в «Снулую рыбу» наслаждение отродясь не заглядывало.

И тем не менее.

Он отправил в рот кусок запечённой трески, с удовольствием отхлебнул из высокой деревянной кружки и принялся неторопливо жевать.

Хлопнула входная дверь. Послышались тяжёлые шаги, сопровождаемые позвякиванием шпор.

Воин даже не дёрнулся.

* * *

– Ренард! Предписание! Немедленно в седло, воин! – рывкнул над ухом сиплый бас, и волосатая ручища прихлопнула к столешнице лист пергамента с сургучной печатью.

От мощного удара стол вздрогнул, подпрыгнула кружка,

тарелка с недоеденным рыбьим хвостом соскочила на пол и разбилась.

– Блез, чтоб тебя драли Семеро! – Ренард, не оборачиваясь, махнул кулаком за спину, но не попал.

В ответ раздался звучный хохот, и на скамью напротив плюхнулся здоровенный детина. Блез по прозвищу Борода-тый. Старый боевой товарищ и по совместительству командир. Его щекастая морда, заросшая до бровей чёрной курчавой бородищей, излучала неприкрытое довольство.

– Дождались, Ренард! Дождались! Идём в рейд! – Здоровяк без спроса схватил кружку приятеля, вылебал остатки эля и грохнул пустой посудой о столешницу. – Приказ комтура. Наш триал выделен в сопровождение Несущему Слово.

Посетители трактира поначалу не обратили внимания на шумное поведение двух верзил, здесь даже потасовки – дело обычное. Но слова «приказ комтура» и «триал» заставили всех притихнуть, а когда прозвучало имя Несущего Слово, к выходу потянулись даже завсегдатаи. Вскоре зал опустел. Святую инквизицию здесь очень уважали, но лишний раз предпочитали не связываться.

– Триал... Забыл, что мы уже две декады как не триал? Или прислали кого на замену? – фыркнул Ренард, с сожалением разглядывая опустевшее дно кружки.

На эту он потратил последние медяки, и больше денег у него не осталось.

– Щас, погоди, – Блез развернулся к стойке и щёлкнул

пальцами над головой. – Эй, трактирщик! Эля мне и моему другу! Да не той бурды, которой ты его поил! Найди чего поприличнее. И каплуна жареного не забудь. Живо!

– На что гуляем? – удивлённо изогнул бровь Ренард.

– Брат казначей расщедрился по поводу такого дела. Выделил монет в счёт содержания. – Блез расплылся в людоедской улыбке, показывая крупные жёлтые зубы, и бросил на стол увесисто звякнувший кошель. – Здесь твоя половина.

Ренард прибрал деньги и хищно оскалился в ответ. Рейд – это хорошо, рейд – это прибыльно, а то поиздержался уже до крайней степени. Триединый наконец-то услышал его молитвы. Хотя, если честно, он и забыл уже, когда в последний раз молился.

– Мы снова полноценный триал. Комтур выделил нам неофита вместо Гастона, упокой Господь его душу. – Блез осенил себя крестным знаменем.

Ренард повторил его жест и склонил голову, отдавая дань памяти усопшему.

Смелый был воин, Царствие ему небесное, а погиб глупо. Пospорил, что голову Карнабо принесёт, а им с Блезом ничего не сказал. Ну и сгинул вместе с конём. Его даже не похоронили по-человечески – нечего было хоронить. Нашли только высохшую лужу крови в соседнем лесу, даже костей не осталось...

Ну да чего уж теперь, Гастон уже в лучшем мире, без забот и печалей.

– Ты сам его видел? – спросил Ренард, имея в виду новичка.

– Не успел. Я от казначея сразу сюда. Знал, что найду тебя в «Рыбе», – заржал Блез, а когда отсмеялся, гаркнул во весь голос: – Трактирщик, Анку тебя заведи, где тебя Семеро носят?!

Хозяин заведения притащил две большущие кружки с пышными шапками пены, по жареному цыплёнку каждому и удалился, недовольно пробурчав себе под нос:

– Совсем псы распоясались, как их святая братия терпит?..

– Чего?! – нахмурился Блез и всем телом развернулся к трактирщику.

Бородатый не расслышал слова, но общую интонацию уловил.

Не след простолоюдину брехать на рыцаря. За такое надо наказывать. Трактирщик обернулся на возглас, побледнел, но быстро сообразил, как выкрутиться.

– Говорю, приятного вам аппетита, почтенные, – согнулся он в подобострастном поклоне.

– Другое дело, – проворчал Блез, развернулся к столу и потянулся к жаркому.

На какое-то время приятелям стало не до разговоров.

Неосторожное «псы», слетевшее с языка трактирщика, ничуть не было оскорблением. Они действительно псы. Псы Господни. Элитные бойцы святой инквизиции. И святые от-

цы их не просто терпели – их пестовали, как любимую гончую, как породистого жеребца, как ловчего сокола. Очень уж нечасто встречались люди, способные оживить небесный металл. Ещё меньше рождалось тех, кто годился в воины. А такие, как Ренард и Блез, и вовсе были наперечёт.

* * *

Неофит переминался с ноги на ногу и заливался румянцем под пристально-тяжёлыми взглядами рыцарей. Одной рукой он придерживал большой кавалерийский арбалет, а второй хватался то за эфес меча, то за пряжку наборного пояса. И всё порывался принять эффектную позу, чтобы эти двое ветеранов-громил поняли, что он... что он тоже... не просто так тут... здесь.

– Армэль, говоришь, – задумчиво протянул Блез и многозначительно переглянулся с товарищем. – Мда, подсуропил нам комтур с пополнением...

Оба криво ухмыльнулись, Армэль же покраснел ещё сильнее.

Юноша был под стать своему имени. Такой же красивый и нежный. Ясные голубые глаза, чистый взор, белокурые волосы. Пушок на щеках... поди, не брился ещё. И как его угрозило? Высокий – с этим-то как раз понятно, в Псы Господни ниже шести футов не брали, – но в остальном...

Худошавый. Хотя, скорее, хрупкий. Такое телосложение

больше девушке подойдёт. Не воину. Этого мальчика проще с лютней представить где-нибудь в благоуханных садах, чем в доспехах и на коне...

– Ты арбалет-то натянешь, выюнош? – с язвинкой поинтересовался Блез.

– Натяну! Вот смотрите! – тут же вскинулся Армэль и неловко закрутил рукоять натяжения.

– В наше время таких приبلуд не было, а, Ренард? – покачал головой Блез и, добавив участия в голос, спросил паренька: – Ну что, болезный, управился?

– Да! Почти. – Армэль наконец выпрямился, вытащил из подсумка освящённый болт и поместил его в ложе. – Вот!

Он демонстративно изготовился к стрельбе, зачем-то выбрав целью живот экзаменатора. Тот скептически хмыкнул.

– Считай, что тебя уже два раза убили. А может, и все три, если на кого из Семерых напоремся, – оценил потуги юноши Блез и осторожно отвёл арбалет в сторону. – Ты арбалетик-то разряди. Освящённые болты, они денег стоят. И предназначены не для людей. Тем более не для твоего командира.

Армэль совсем смешался и повторил недавние действия в обратном порядке. А Блез замолк и затеребил бороду, что у него означало крайнюю степень задумчивости. Наконец он объявил:

– Давай-ка мы вот что сделаем. Ты, малой, лучше дуй-ка домой, к мамке, а комтуру мы скажем, что ты в лесу сгинул. Или на болотах утоп. Нет. Лучше скажем, что от поноса за-

гнулся. От кровавого. Так героичнее будет. Кровь, она знаешь... – Блез покрутил пальцами перед лицом, так и не договорив.

Ренард невесело усмехнулся. Он как раз знал, что приятель не шутит. Парня с собой в рейд тащить – на один раз. Его или дип загрызёт, или лютены украдут, или крионы до смерти затанцуют. Бородатый полностью отдавал себе отчёт в том, о чём говорил. Опыта у него предостаточно. Но Армэль воспринял слова командира как пустую издёвку.

Он горделиво вскинул подбородок, отставил в сторону ногу и многозначительно сжал эфес меча.

– Как вы смеете разговаривать со мной в подобном тоне?! Я из благородной семьи! И я такой же Пёс Господень, как и вы! И... и... и я имею право!..

Договорить ему Блез не дал.

– Право здесь имею только я! И вот ещё он, потому что здоровее меня! – громыхнул Бородатый, ткнув пальцем в Ренарда, и взгляд его сверкнул воронёной сталью. – А ты пока даже на щенка не тянешь! Тоже мне, выискался Пёс Господень!

– Да ладно тебе, Блез. Отцепись ты от парня. Он зелен ещё, не понимает твоей доброты. Потом благодарить станет. – Ренард миролюбиво похлопал товарища по плечу.

– Нужна мне его благодарность. Если хочет побыстрее сдохнуть... – буркнул Блез и, не закончив, развернулся к орденским конюшням. – Всё, смотрины закончены, через чет-

верть часа выдвигаемся. В полной выкладке.

Неофит, всё ещё пунцовый от полученной выволочки, поспешил исполнять приказ. А Ренард задержался. И задумчиво поглядел ему вслед.

Этот юноша напомнил ему себя десятилетней давности.

Нет, Ренард даже в детстве не был таким доходягой. Он и ростом повыше, и костью пошире, да и половчее, чего уж там скрывать. Но точно так же стоял перед рыцарями первого в своей жизни триала и точно так же неуверенно сжимал арбалет. В то время ещё не придумали хитрых приспособлений, тетиву приходилось натягивать руками.

Ренард тогда эту тетиву порвал от усердия, а пальцы разрезал до костей. Он до сих пор не забыл, как с ладоней обильно капала кровь под хохот и обидные комментарии рыцарей. Но с тех пор кровь он проливал в основном чужую, а смеяться над ним перестали. Опасно для здоровья стало смеяться.

Ренард рассеянно улыбнулся.

Ему вспомнился отчий дом. Тот самый, последний день. Короткие проводы. Скомканное напутствие матери. Суровое лицо отца. Вспомнил свою первую любовь...

И улыбка воина стала горькой.

Аннет. Юная дева со стройным станом, грацией лани и волосами цвета пшеницы. Пронзительно-зелёные глаза, полные слёз. Вишнёвый вкус прощального поцелуя. Обещание ждать. Фигурка в простеньком платье у околицы. Последний взмах вышитого платочка...

Единственный светлый образ в памяти.

Ренард скрежетнул зубами и тряхнул гривой волос.

Если бы у него был выбор, он бы остался с ней. Но выбора не было.

У младшего в захудалом роду всего два пути – воинская стезя или служение Богу. Он эти два пути объединил. Не сам. Так получилось. Триединый отметил его своей благодатью, подарив власть над небесным металлом...

Ренард до половины вытащил меч из ножен, в который раз посмотрел, как клинок наливается голубоватым свечением, и успокоился. Голова прояснилась, ненужные чувства ушли.

У него другая судьба. Он – воин Бога! Его карающая длань!

Искоренитель ереси, защитник его паствы и проводник его воли!

Он – Пёс Господень!

И хватит на этом.

* * *

На центральной площади яблоку негде было упасть. Люди вообще охочи до кровавых зрелищ, а сегодня карали еретиков, поэтому народу собралось – не продохнуть. Палачи инквизиции – те ещё затейники, все кишки могут вытянуть из человека, а он ещё будет живой. К тому же Несущий Слово должен был выступить с проповедью после окончания казни.

«Псы» ждали в переулочке.

Узкая вонючая кишка, зажатая облезлыми стенами трёхэтажных домов. В горах мусора копошились вездесущие крысы, под ногами смердели лужи нечистот – городские золотари не особенно старались, надеялись на дождь. Можно выбрать местечко получше? Можно. Если бы они в этом городе были.

Армэль в новенькой кольчуге и девственно белой накидке с крестами застыл в седле, словно кол проглотил. Посмотришь на него и растрогаешься – чистый ангел. Рыцарь в белых доспехах. Символ добра и света, что несут людям Псы Господни. Поборник веры, защитник несчастных и обездоленных.

Юноша держал в поводу коня Блеза. Тот, в свою очередь, прислонился к стене, то и дело прикладывался к фляге и поглядывал за угол – чтобы не пропустить высокое начальство. Ренард оглаживал своего Чада по бархатистой морде и кормил мелкими яблоками. С площади доносились сочные удары и холодящие кровь вопли.

– Ого! – сморщился Блез, когда раздался особенно пронзительный крик. – Чегой-то они сегодня особенно лютуют. Такое не каждому устраивают.

– Простите, а что – «такое»? – осторожно поинтересовался Армэль.

– Назидательная казнь. Специально для государственных преступников и еретиков. Начинают с дыбы, парят горящим

веником. Потом оскопляют, если мужик. Потом хлещут кнутом. А потом колесование, четвертование и отсечение головы, – охотно пояснил Блез, сменивший гнев на милость. – Последнее, на мой взгляд, уже лишнее, а, Ренард?

Ренард тоже считал, что обезглавливание в таком случае полностью лишено смысла – после четвертования люди не выживают, – но отвечать не стал. Просто кивнул и сунул в зубы коню очередное яблочко. Армэль же пожалел о своём любопытстве и слегка позеленел лицом.

– Кстати, нет желания посмотреть, как умельцы инквизиторские управляются? Кудесники. Не захочешь, а залюбуешься, – восхищённо прицокнул языком Блез и посмотрел на юношу. – А то сходи, время ещё есть. Тебе будет полезно.

– Нет, спасибо, – вежливо отказался Армэль, едва сдержав рвотный позыв, и на время выпал из разговора.

– Ну так что, Ренард, не знаешь, за что их? Наверное, конченные еретики? – вернулся Бородач к интересующей его теме. – Слышал, они с запретной нечистой якшались...

– Нашёл еретиков, – насмешливо фыркнул Ренард. – Обычная тупая деревенщина. Эти недоумки иратшо прикормили в обмен на мелкие услуги, а соседи заметили и донесли. Вот и вся недолга.

– А кто такие «иратшо», Ренард? – не утерпел Армэль, услышав незнакомое слово.

– Бесы мелкие. Любят помогать людям за вознаграждение, – удивлённо объяснил тот. – Тебя что, теории не учили?

– Разве так бывает? Бесы – и помогать? Они же нечисть! – удивился неофит, не потрудившись ответить на вопрос рыцаря. – И потом – разве за такое казнят? Они же не запретным колдовством занимались, не душу Семерым продали, да и не навредили никому. Подумаешь, мелкие бесы...

– Слышь, малой, ты сейчас договоришься, – сурово оборвал его Блез. – Кто услышит – и сразу на площадь уедешь, вторым номером. Чтобы палачу два раза не переодеваться. И ты бы это... под окнами не стоял, а?

Перспектива вот так запросто попасть на эшафот настолько потрясла Армэля, что он пропустил совет командира мимо ушей. И совершенно зря пропустил.

На втором этаже стукнули ставни, раздался пронзительный крик:

– Па-а-аберегись!

И выплеснули содержимое ночного горшка. Прямо на улицу.

Блез сноровисто нырнул за угол, Ренард пригнулся за крупом своего коня, а неофит даже среагировать не успел. Так и сидел в седле, демонстрируя идеальную выправку. Обтекал.

Мерзкая жижа стекала по новенькой кольчуге, проникая в каждое колечко тройного плетения. Девственно-белая накидка покрылась жёлто-коричневыми пятнами. Армэль больше не олицетворял добро и свет, но с другой стороны... Святая инквизиция как раз имела дело с грязью и дерьмом человеческим. Ну, это если образно.

– Мда-а-а... – сочувственно протянул Ренард и отошёл вместе с конём подальше.

Блез ничего не сказал, только скривился и покачал головой. А самое печальное для Армэля – ему даже отъехать нельзя, чтобы привести себя в порядок. Служба.

Пролог

Часть вторая

Тем временем казнь завершилась. Это стало понятно по отголоскам речи, долетавшим с площади. Несущий Слово начал проповедь.

...и обратил он свой взор в мир, и увидел, что любимые чада его сотворили себе кумиров и поклоняются идолам на богомерзких капищах. И приносят жертвы человеческие, и якшаются с нечистью в обмен на мирские блага. Огорчился Господь и послал своих сыновей Еноха и Иезекииля. Спустились они в мир и стали учить людей, как отринуть лжебогов и как обороть бесов. Но лжебоги прознали про это, подговорили людей, и те умертвили сынов Господа на проклятом алтаре с помощью мерзопакостной нечисти...

Ренард сморщился, словно у него зуб заболел. Он подобных речей уже столько наслушался, что и сам запросто мог проповедовать. Но не уши же затыкать, пришлось внимать.

...И разгневался Троединый. И воскресил своих сыновей. И дал им право отныне решать судьбы

людские. И поставил Еноха ведать раем, а Иезекииля адом. И подчинил Еноху ангелов и серафимов, а Иезекиилю – бесов и демонов. И наказал Господь своим сыновьям собирать праведные души на небесах, а грешные – в адских чертогах. И придумывать им мучения, чтобы раскаялись они в грехах, очистились...

Проповедник действительно был мастером слова. Казалось, его голос проникал под кольчугу, под шлем, под одежду. Да что там под одежду – под кожу, продирает до самого нутра. Уж на что Блез толстошкурый, но даже его проняло. Вон застыл соляным столбом и про фляжку свою забыл.

...И послал Господь в помощь Еноху церковь, чтобы достойные дети могли донести свои голоса до небес. А в помощь Иезекиилю Господь создал святую инквизицию. Чтобы святые братья находили грешников и отправляли к нему на суд...

Ренард тоже бы проникся, если б сам не варился во всей этой каше. Слишком уж хорошо он знал святое семейство. И отцов, и братьев, и сестёр. Кстати, услугами последних он регулярно пользовался. Так что слова лучше оставить для паствы. Но голос... голос околдовывал.

Впрочем, Несущий уже закончил.

– Амен! – припечатал напоследок церковник.

– Амен!!! – грохнула толпа как один.

Многоголосый ответ разлетелся над площадью, усиленный эхом и граем перепуганного воронья. Блез вздрогнул и уронил фляжку, эль с весёлым бульканьем полился ему под ноги, а Ренард перевёл дух с облегчением. Вроде всё. Дождались.

Горожане начали медленно расходиться, пришибленные силой слова Несущего и впечатлениями от недавнего зрелища. К эшафоту подогнули телегу, и подручные палача принялись грузить на неё останки. А сам он отгонял кнутом желающих урвать себе кусочек – считалось, что плоть казнённых приносила удачу. Вскоре и они уехали, на площади остались только святые братья.

* * *

В переулок сунулся чернорясник с угрюмым крысиным лицом. Если уточнить – инквизитор, если совсем уточнить – экзекутор. Понимающий определил бы это по алой верёвке-поясу и массивному кресту с рукоятью красного дерева. Символ веры. Но это для простецов символ, на деле крест был оружием. Страшным в умелых руках.

Похоже, этот святой брат из молодых. Бывалый бы себя так не вёл.

– Ты Блез? – грубо спросил он у Бородача.

– А даже если так, то что? – нагло усмехнулся тот в ответ.

Экзекутор раздражённо дёрнул щекой и обшарил каждого цепким взглядом. Потом осмотрел переулочек, понял, что никого больше нет, и скривил недовольную мину.

– Почему вас так мало?

– Мало?! Да ладно! – Блез издевательски расхохотался и взлетел в седло. – Слышал, Ренард? Мало ему! Слышь, востроносый, ты и этого не унесёшь!

– Несущий Слово... – надменно подбоченился инквизитор.

– Ты не Несущий Слово! – оборвал его Ренард и последовал примеру товарища.

Обстановка накалялась – за спиной крысомордого появились ещё пятеро братьев. Храмовые бойцы, если зрение не изменяет. А эти, несмотря на свой сан, охочи помахать и кулаками, и боевым железом.

Приятное возбуждение пробежало по жилам Ренарда. Добрая драка – что может быть лучше? Только драка с полной уверенностью в победе! Триал Псов Господних без труда разнесёт эскадрон тяжёлой конницы, а пехоты – до сотни. И это самый заваливающий триал. А уж о нём с Бородатым даже среди Псов легенды ходили. Недоумок бы знал или хотя бы вспомнил, если б спесь мозги не туманила.

А «недоумок» меж тем продолжал гнуть свою линию:

– Я пожалуюсь комтуру, и вас посадят в подвал. На хлеб и воду.

От угрозы экзекутора Ренард рассмеялся в голос, а Блез

взбеленился:

– Ну и чем ты будешь жаловаться, крысёныш, если я тебе сейчас язык отрежу?! – рывкнул он, горяча своего Тифона.

Экзекутор нахохлился, сжался и поудобнее перехватил крест. Подручные повторили его движение в точности, рассредотачиваясь широким клином у него за спиной.

Безмозглые дураки.

Блез громко хлопнул забралом и потащил из петли секиру – её широкое лезвие уже полыхало голубым сиянием. Ренард хищно оскалился – ну всё, готовьтесь встречать Анку и Семерых – и дал шенкелей Чаду, направив его на противника.

Ещё миг – и стоптал бы...

– Спокойнее, дети мои, спокойнее.

Сказано было тихо, но даже боевые жеребцы Псов присели на задние ноги и присмирели. К месту несостоявшейся битвы приближался невзрачный пожилой мужчина в потрёпанной серой рясе. Отец Абсолон, Несущий Слово. Один из трёх во всей инквизиции.

– Успокойся, брат Гаэтан. Это хорошие сыновья святой церкви. Не стоит проливать их кровь.

«Это кто ещё чью прольёт», – про себя усмехнулся Ренард, но случайно пересёкся взглядом с Несущим, и усмешка сползла с его лица. В глазах церковника стыл синий лёд. А голос – как у доброго дядюшки. У Ренарда даже мурашки по спине пробежали.

Святой отец меж тем обратился к Блезу, безошибочно

определив в нём старшего:

– Если не ошибаюсь, это ты усмирил Башахауна Орлинского леса, сын мой?

Бородач смущённо кивнул. Ему польстило, что столь высокопоставленная персона в курсе его личных подвигов. Церковник перевёл взгляд на Ренарда:

– А ты в одиночку схватился с одним из Семерых и поверг его в геенну огненную?

Пришла очередь опускать взгляд Ренарду – было такое.

– Принеси извинения, брат Гаэтан. Комтур проявил к нам небывалое уважение, отрядив этих могучих воинов для нашего сопровождения, – повелел отец Абсолон.

Экзекутор неохотно склонил голову, признавая, что погорячился. Блез довольно хмыкнул, за что тут же получил замечание от преподобного.

– Гордыня – смертный грех, сын мой, и не красит истинного поборника веры, – назидательно произнёс он и обратил взор на Армэля. – А ты, отрок, недавно в рядах Псов Господних? Почему в таком виде?

Неофит залился краской до ушей и потупился. То ли потому, что недавно, то ли расстраивался за неподобающий вид, то ли переживал, что так и простоял столбом всю заварушку. Скорее всего, сказалось всё сразу. Хвастаться ему действительно было нечем.

За него ответил Бородатый.

– Первый день, отче. Неофит, сами понимаете, да ещё и

не горожанин.

Блез для наглядности махнул рукой на верхние этажи, чем вызвал на лице церковника снисходительную улыбку.

– Ну ничего, ничего. Я уверен, что ты себя ещё проявишь к вящей славе Господней, – ободрил Несущий Армэля и приказал: – Пойдёмте, дети мои. У нас впереди долгое путешествие.

Он неторопливо пошёл по улице, осеняя крестным знаменем и благословляя случайных прохожих, остальные последовали за ним.

За городскими воротами их дожидались. Карета для Несущего Слово, две повозки с каким-то церковным скарбом, накрытым дерюгой, и отряд из трёх дюжин братьев. Все храмовники. И на их лицах читалось что угодно, кроме всестершимости и всепрощения.

– Позвольте спросить, святой отец, куда мы поедем и для чего? – не удержался от вопроса Ренард, увидев внушительную процессию.

– В Восточные Пределы, сын мой. Нести заблудшим душам слово Божие, – смиренно отвечивал церковник и, кряхтя, полез в карету.

Ренард почтительно склонил голову ему вслед.

Надо же, как повернулось. Глядишь, и родные места поводит. Может, кого знакомого встретит.

Не приведи Господь, с такой-то компанией.

Скрипели колёсами телеги, пятки храмовников выбивали пыль из просёлка, боевые жеребцы рыцарей взрывали подко-
вами землю. Процессия неотвратно шла к своей цели. Блез
ехал во главе отряда, молодой замыкал, Ренард держался у
карей священника.

Впереди показался извилистый строй камыша, дорога
упёрлась в неширокую речку. Моста не было, был брод. Арм-
эль подал голос, едва выбрались на другой берег.

– Ренард, я ненадолго отстану, – крикнул неофит и доба-
вил чуть тише: – Отмоюсь.

Рыцарь лишь поднял руку в ответ, показывая, что услы-
шал. Давно пора. Он бы на месте юнца и не предупреждал.
Дерьмо, если не отмыть, прилипнет намертво, да и не подо-
бает Псу Господню ходить обгаженным. Нас бояться долж-
ны, а не насмехаться над нами.

Дорога стала плавно взбираться на холм. До вершины
оставалось немного, когда за спиной послышался топот ко-
пыт.

Так быстро управился?

Мимо проскакал конь без всадника, а Псы Господни так
просто с лошадей не падают. Ренарда ошпарило нехорошим
предчувствием, и он обернулся.

Армэль стоял посередине руслу с глупой улыбкой, рядом

с ним плескались три юные девы. Их длинные светлые волосы рассыпались по плечам, едва прикрывая налитые груди. Девы призывно смеялись, строили глазки и манили за собой молодого рыцаря. Армэль безропотно шёл за ними. Вот он уже по пояс в воде... По грудь... По шею...

Девы с радостным визгом навалились сверху и погрузили его с головой.

– Забери меня Семеро! – рявкнул Ренард и дёрнул повод, разворачивая своего скакуна. – Н-но, пошёл!

Рыцарь вбил шпоры в бока жеребца, и Чад сорвался в галоп. Медлить нельзя. Ещё чуть-чуть – и Армэля просто утопят. Дробный перестук копыт сменился влажным чавканьем, в стороны полетели брызги воды.

Ренард выхватил из ножен клинок.

Пламенеющий меч смазался голубой дугой. Раз. Ещё раз. Вода окрасилась кровью, резко пахнуло свежей рыбой. Течение понесло вниз два трупа с осетровыми хвостами вместо ног. Располовиненные от плеча до пупка, как раз промеж налитых грудей.

Третья тварь злобно ощерилась, сверкнула зелёными глазами, насылая морок, и Ренард замер с занесённым мечом. Ему понадобился миг, чтобы отогнать образ Аннет, но твари хватило и этого. Она прыгнула в сторону, плеснула хвостом и скрылась в речной глубине.

Армэль вынырнул, ошалело отфыркиваясь, и с обалдевшим видом уставился на Ренарда:

– Что это было?

– Ундины, – флегматично пояснил Ренард, омыл меч от рыбьей крови и, тщательно протерев его попоной, сунул в ножны. – Тебя не учили, как им противостоять?

Армэль отрицательно помотал головой:

– У нас ускоренный курс был, – смущённо признался он. – Я, считай, про нечисть и не знаю ничего толком.

– Зато помылся от души. Лови своего коня и дуй в середину колонны. Я за тобой присмотрю.

* * *

Ехали не долго, не коротко. Ночевали где придётся, ели, что Бог пошлёт и, конечно, сеяли разумное, доброе, вечное. Из особо замечательного – вырубил священную рощу Водана вместе с лесными духами, повалили менгир Доннара и дотла спалили таверну, хозяин которой снюхался с иратшо. Вместе с хозяином, понятное дело. Блез успел спасти бочонок эля и два копчёных кабаньих окорока. И долго потом сокрушался, что так мало спас.

Наконец добрались до места.

Деревня с названием Фампу Ренарду была знакома. Тут недалеко и его дом. Вернее, поместье его рода. А рядом посёлок, где жила Аннет. Интересно, всё ещё ждёт? Или, как все женщины, просто пообещала?

Додумать не получилось, по сторонам дороги потянулись

изгороди первых домов. Высокого гостя встречали местный причётник и староста. Святой отец благословил их и направился к церкви, а братия рассыпалась по дворам. Извещать тех, кто не знал о приезде Несущего.

К церкви потянулись люди, их встречал отец Абсолон.

– Проходите, дети мои, проходите... – говорил он каждому, смиренно сложив руки на груди.

Инквизитор с улыбкой благословил случайную женщину, по-отечески взъерошил вихры рыжего мальчишки, ласково огладил косу веснушчатой девочки. Подошёл староста.

– Все ли пришли? – участливо поинтересовался у него инквизитор.

– Вроде да, – подумав, ответил тот. – Я последний.

– Ну и ты заходи, – подтолкнул его к входу церковник. И многозначительно посмотрел на брата Гаэтана: – Начинайте.

Экзекутор подал знак, и два храмовника закрыли двустворчатые двери, подперев их прочными жердями. Остальные братья похватили из телег охапки можжевельного сушняка и начали обкладывать ими храм.

– Святое дерево, – пояснил Несущий Слово в ответ на недоумевающий взгляд Ренарда. – Очищает грешные души и смывает грехи. Поджигайте!

Пламя занялось и побежало по бревенчатым стенам. Внутри заголосили непонимающие люди.

– За что их? – прохрипел Армэль.

– Это не твоё дело, юноша. – В голосе Несущего звякнула

сталь. Острая, холодная, смертельная, как стилет.

– И всё же? – поддержал неофита Ренард.

Этому рыцарю отец Абсолон счёл нужным ответить:

– Культ здесь корни пустил. Трёх сестёр. Поклоняются и невинных людей в жертву приносят. Великий грех.

– Но не все же! Дети в чём виноваты? – не унимался Армэль.

– Всё в руках Триединого, сын мой. – Святой отец сложил ладони в молитвенном жесте. – Господь сам разберётся, кто виновен, а кто нет. Непорочные души попадут сразу в рай. Или ты готов оспорить право Господа судить человекoв?!

Глас Абсолoна набрал силу, взгляд впился в неофита, как освящённый арбалетный болт. Ренард ухватил парня за шиворот и оттащил в сторону. У Несущего Слово хватит власти и силы проклясть даже матёрого Пса, не стоит его провоцировать. Но церковник уже забыл об Армэле и жадно вдыхал запах дыма, сдобренного горелой плотью.

Ренарду было всё равно. Он к такому уже давно привык, сейчас главное – чтобы новичок не начудил. Не хотелось бы потерять неофита в первом же рейде. Примета плохая.

– Всеблагой отец! – раздался вопль с другого конца деревни.

Ренард и Несущий Слово обернулись.

По центральной улице бежал, подобрав рясу, священник, выбивая деревянными сандалиями пыль.

– Ко... ковен! Всеблагой отец, я выявил ковен! – задыха-

ясь, проговорил он.

– Где? – хищно подобрался отец Абсолон.

– В Три... Трикадере, тут недалеко. Я покажу.

Глаз Ренарда дёрнулся. Трикадер. Родная деревня Аннет.

* * *

Лесная поляна. Дольмен – кольцо из массивных валунов. Гранитный менгир, отдалённо похожий на женскую фигуру. Вокруг танцуют девы. Другие, у алтаря, наполняют сосуды. Белым, тягуче-янтарным, и красным, как венозная кровь. Молоко, мёд и вино. В тарелках – краюхи пшеничного хлеба, варёная репа и мочёные яблоки прошлогоднего сбора.

Ещё одна дева – наверное, старшая, – украшает идола лентами и цветами...

В кустах схоронились храмовники, брат экзекутор и отец Абсолон. Псы стояли чуть поодаль, успокаивая коней. Местный священник что-то громко нашёптывал Несущему, явно набивая себе цену.

– Что они делают? – еле слышно прошептал Армэль.

– Культ Деа Матроны, – так же тихо ответил Ренард. – Приносят богине земли дары, взыскуя нового урожая.

– И что тут такого?

– Ересь, – равнодушно пожал плечами Ренард.

– В чём ересь? Они же не людей в жертву приносят...

– Цыц, оба, – шикнул на них Блез, – договоритесь у меня!

Ренард и Армэль замолкли, но ненадолго.

– Извести еретичек! – лязгнул святой отец. – Во имя Господа нашего и его сыновей!

Храмовники, как один, выскочили из зарослей и рванули к алтарю плотным строем.

– Вперёд! – проорал Бородатый и дал шенкелей Тифону.

Ренард захлопнул забрало и пустил коня следом, вытаскивая на скаку меч.

Эмоций он не испытывал. Еретик – не человек. Еретик – хуже нечисти. Потому что у той нет выбора, а у человека есть. И, поклоняясь идолам, он этот выбор сделал!

Девушки заголосили, заметались среди камней, некоторые сразу бросились наутёк. Упала под секирой Блеза одна, споткнулась, получив освящённый болт в спину, вторая... Мелькавшие топоры храмовников уже не блестили.

Ренард заметил, как та, что украшала статую, кинулась к лесу. Он направил Чада за ней. Дева бежала легко и быстро, но с конём ей не тягаться. Каждый перестук копыт приближал её судьбу. Немного осталось.

Не уйдёшь, тварь!

Дева услышала, что её настигают, замедлила шаг и остановилась. Кто бы она ни была, но смерть свою решила встретить достойно. Лицом к лицу.

Она обернулась. Ренард осадил Чада, поднял его на дыбы и занёс меч. Его взгляд встретился со взглядом беглянки.

Зелёные глаза, полные слёз, россыпь веснушек, вишнёвые

губы.

Любимое лицо.

Единственный светлый образ в памяти.

Ренард заскрежетал зубами, закрыл глаза и, разрывая жилы, попытался остановить руку. Но легче удержать падающую гору.

Пылающий небесным огнём меч нельзя остановить.

* * *

В небо ударил тугой алый фонтан, сияние клинка померкло, залитое кровью. Девичья голова отлетела и укатилась в траву, запутавшись в ней пшеничными косами. Стройное тело потеряло грацию лани и бесформенным кулем рухнуло под копыта коня.

Ренард застыл в седле, до боли смежив веки, и боялся их случайно открыть. Он знал, что увидит, но желал сберечь образ Аннет. Тот самый, единственный. Светлый. Рыцарь ударил Чада коленом, конь послушно развернулся и тихо пошёл.

Куда?

Сейчас разницы нет – внутри словно что-то оборвалось. Что-то незримо привязывающее его к жизни.

Ренард чувствовал, как наливается гранитной тяжестью сердце, как сжимается горло, не давая вдохнуть, как немеют пальцы на эфесе меча... Меча, которым он убил свою лю-

бовь.

Он!

Убил!

Свою любовь!

На самом деле он убил больше – последнее светлое, чистое, доброе, что оставалось ещё в его огрубевшей душе.

Ренард хотел отбросить меч, но передумал – меч всего лишь оружие, его направляет рука. Хотел отрубить себе руку, но не стал – вторая-то останется. Хотел броситься на клинок грудью и уже освободил одну ногу из стремени, но тоже остановился.

На него вдруг снизошло озарение.

Он – Пёс Господень, его карающая длань. Но всего лишь десница. Оружие, пусть и божественное. И направляет это оружие не только Господь. Власть есть и у глашатаев его воли. И сейчас эти глашатаи ошиблись. И поплатятся за это.

Сердце вновь забилося сильнее, с груди будто слетели окovy, на смену неизбывной тоске пришёл гнев. Ренард пронзительно гикнул и пустил коня вскачь.

Он нашёл виноватого.

Кровь можно смыть только кровью, и сейчас Ренард её прольёт.

Глава 1

В третий день третьей декады месяца прериаля, в три пополуночи, усадьбу Креньян огласил крик младенца. Его первый крик. Долгожданный. Обессиленная роженица откинулась на подушки, усыпанные листьями чабреца, утёрла со лба крупные бусины пота и с облегчением вздохнула.

– Кто? – еле слышно прошептала она.

– Мальчик. Крепкий, как Водан, и громкий, как Доннар. – Довольная повитуха похлопала мокрого ещё ребёночка по попке и положила на застеленную полотном скамью рядом с кроватью. – Настоящий вельт.

Губы роженицы тронула улыбка, измученное лицо прояснилось: «Тъери как обрадуется... Сын у него... Ренард».

– Спасибо тебе, добрая Клодина, – поблагодарила она повитуху.

– Пустое, ваша милость, да и не закончила я ещё, – отмахнулась та и вернулась к своим обязанностям.

Она достала пучок сушёного можжевельника, подожгла от свечи и окурила сначала младенца, потом мать. Когда Клодина отложила обгоревшие ветки в сторону, пуповина уже перестала пульсировать. Повитуха взяла нож, отмерила на три пальца и перерезала побелевшую жилу на заранее приготовленном боевом топоре, после чего туго перевязала льняной нитью.

– Чтобы воином вырос. Чтобы здоровье было богатырским, жизнь достойной, а душа чистой. Во имя древних богов, – тихой скороговоркой проговорила она, испуганно оглянувшись и добавила, перекрестившись: – Да простит меня Триединый.

– Да простит меня Триединый, – повторила роженица шёпотом и тоже перекрестилась слабой рукой.

Госпожа де Креньян, обычно очень строгая в аспектах истинной веры, сейчас даже не нахмурилась при упоминании ложных богов. Сегодня можно. Долгожданные роды закончились благополучно.

Повитуха обмыла младенца тёплой водой, обтёрла его женской сорочкой, после чего завернула в отцовскую рубашку и передала матери.

– Вы тут понянькайтесь пока, а я скоро вернусь.

С этими словами Клодина завернула послед в чистую тряпицу и вышла из спальни.

* * *

Роды повитуха принимала сама и к госпоже никого непустила. Немногочисленные слуги дожидались на кухне, семейство же собралось в главной зале. Мальчонка лет восьми съёжился в массивном кресле у камина и догрызал ногти на левой руке. Две очаровательные девочки-близняшки, года на четыре помладше, притихли, обнявшись, в углу. Хозя-

ин поместья с озабоченным видом измерял пол широкими шагами.

Едва появилась Клодина, Тъери де Креньян кинулся к ней.

– Что с Орабель? Как ребёнок? Кто? – прерывающимся от волнения голосом выпалил он.

– Сыночек у вас, ваша милость. С ними всё хорошо, – поспешила успокоить его повитуха, – и мать, и ребёночек живы-здоровы. Госпожа очень слаба, но со временем оправится, а вот молока, боюсь, у неё неостанет. Вам бы не помешало кормилицу подыскать.

– Хорошо, я подумаю, – кивнул де Креньян и шагнул к двери спальни.

– Пойдите, ваша милость, – остановила его повитуха. – Есть ещё одно неотложное дело.

– Что ещё?

– Вот это до зари закопайте под дубом, – она понизила голос и передала де Креньяну свёрток, местами промокший кровью. – Мальчик родился под знаком трёх троек – трижды священное число – не стоит пренебрегать благосклонностью...

Клодина не договорила, вместо этого многозначительно закатила глаза к потолку.

– Но Орабель меня ждёт...

– Госпожа поймёт. И не волнуйтесь, ваша милость, я за ней присмотрю, – заверила его повитуха и позвала старую кухарку. – Симонет! Идём, поможешь мне!

Та появилась тут же, словно за углом дожидалась. Да, собственно, и дожидалась. Был у неё такой грешок, любила подслушивать.

– Господи Триединый, счастье-то какое, да хранит госпожу Дза Матрона! – со слезами радости на глазах причитала Симонет.

Стряпуха то крестилась пухлой рукой, то хлопала себя по толстым бёдрам – от полноты чувств воздавая хвалу сразу всем богам, каких только знала. Клодина затолкала её в спальню и плотно затворила за собой дверь. А де Креньян вышел в ночь, прихватил из конюшни лопату, а потом, таясь и оглядываясь, направился к ближайшему лесу.

Триединый не одобрит такого поступка, и будет лучше, если не узнает ни он, ни его провозвестники.

* * *

На следующее утро усадьбу всполошил требовательный стук в дверь. Де Креньян, поскольку ещё не ложился, поспешил открыть сам и тут же смешался – на пороге стоял невысокий церковник с неприятным костистым лицом. Пресвятой отец Онезим – настоятель местного прихода.

Принесла же нелёгкая ни свет ни заря.

«Зачем он здесь спозаранок? Сам прознал? Донесли?»

Вопросы вмиг пронеслись в голове, связав появление клирика с запретным ночным ритуалом. Де Креньян сделал уси-

лие и постарался не выдать своих переживаний – если пришёл, то сам и расскажет, а там уж на усмотрение Триединого. На всё воля его...

– Проходите, отче. – Де Креньян склонил в покорном приветствии голову и отшагнул в сторону, освобождая гостю дорогу.

Но тот и не ждал приглашения, зашёл как к себе домой и остановился посередь главной залы.

– Мир этому дому, – молвил он, перекрестившись на крест, висящий над каминной полкой. – Слышал, госпожа де Креньян разрешилась от бремени? Удачно ли? Здоров ли младенец?

– Д-да, благодарю, – пробормотал хозяин, всё ещё не понимая, куда клонит священник. – Всё закончилось благополучно, слава Всевышнему.

– С кем могу поздравить? – продолжал допытываться тот.

– Сын, – невольно улыбнулся де Креньян и от полноты чувств уточнил: – Мальчик.

– Мальчик – это хорошо, – одобрительно покивал настоятель, слегка выпятив нижнюю губу. – Времена нынче неспокойные, Триединый, как никогда, нуждается в защитниках истинной веры. Он же у вас младшенький?

– Да, второй, – подтвердил хозяин усадьбы.

– Значит, так суждено, – важно подытожил отец Онезим и шумно потянул носом. – Приглашали кого?

Он задал вопрос между прочим, но его глаза стали колю-

чими – в доме всё ещё витал аромат чабреца и резкий запах жжёного можжевельника.

– Приглашали, отче, – не стал отпираться де Креньян. – Роды обещали быть тяжёлыми, и я счёл возможным попросить тётку Клодину о помощи.

Настоятель поджал тонкие губы, высокий лоб прорезали морщины, взгляд ощутимо потяжелел.

– Не к лицу благородному прибегать к услугам ведуньи, сын мой, – процедил он с едва скрытой угрозой. – Почему меня не позвали? Триединый благоволит к своей пастве, а я провозвестник его. Елеосвящение гораздо действеннее всякой запретной ворожбы. Или ты сомневаешься в силах Господних, несчастный?

В воздухе запахло грозой, и хозяин поместья внутренне обмер. Неужели всё-таки его вчерашний поступок открылся?

– Ни в коей мере, святой отец. Моя вера в Триединого крепка как никогда. Просто вас по пустякам не хотел беспокоить, – заверил его де Креньян, стараясь говорить твёрдо, а смотреть прямо.

– Рождение слуги Господа не пустяки, хорошенько это запомни, сын мой! – Отец Онезим назидательно поднял указательный перст. – Тем более если этот слуга из благородного рода.

Пока де Креньян соображал, что ответить, клирик неожиданно сменил гнев на милость.

– Ну да ладно, не вижу здесь большого греха, – заявил он внезапно подобревшим тоном. – Клодина, хоть и ведунья, но службы посещает исправно, и в подношениях служителям Господа не скупится. Хорошая дочь церкви и до сих пор ни в чём дурном не замечена. Можжевельное дерево угодно Господу, а взвар с мятой и чабрецом я и сам люблю отведать, особенно с цветочным медком.

Клирик выжидательно посмотрел де Креньяну в глаза, и тот его понял правильно. Причём с большим облегчением.

– Симонет! – гаркнул хозяин усадьбы.

– Да несущие уже, несущие, – тут же послышался ворчливый ответ и следом недовольное бурчание. – Гоняете старую женщину почём зря.

Кухарка, как всегда, подслушивала, но так даже лучше вышло – быстрее незваного гостя спровадят.

Симонет принесла перевязанный тряпицей горшочек, сунула тот святому отцу, да так и осталась стоять, вперившись в него недобрый взглядом и скрестив руки на пышной груди.

– Спаси вас Господь, дети мои, – благословил обоих священник и степенно удалился, бросив напоследок через плечо: – А с крещением не затягивайте, сын мой, буду вас ждать с нетерпением.

Симонет повременила, пока клирик отойдёт подальше, смачно плюнула ему вслед и с треском захлопнула дверь.

– И как только такого лю-каркуля мать-земля носит? – ворчала она, пока возвращалась на кухню. – Мёд он цветоч-

ный любит! А что он не любит, проглот? И как в него влезает-то столько? Тьфу, пропади ты пропадом!

* * *

Де Креньян устало выдохнул и утёр вспотевший лоб рукавом – на этот раз обошлось. А ведь он уже думал, что Триединый прислал своего провозвестника с наказанием. Но отец Онезим, как всегда, просто заглянул за дармовщинкой. И впрямь, как его Триединый терпит? Или Господь не такой уж всеведущий, как толкуют священники?

Де Креньян поспешно отогнал крамольные мысли, привычно перекрестился и задержал взгляд на символе веры...

А ведь он застал времена, когда вместо бесполезного куса полированного дуба здесь висел щит с гербом его рода. А на стенах среди голов оленей, лосей и вепрей было полно символов рыцарской доблести предков. Мечи, секиры, булавы. Доспехи, добытые в боях. Но их ещё при отце сняли. Головы животных, правда, остались, но сейчас и охота уже не такая. Раньше это целое событие было. Торжественный ритуал в честь Сейшамни Левтисикай. Богиню охоты просили об удаче и благодарили кровью добытого зверя. Да и звери сейчас не чета нынешним... Взять хотя бы того сохатого с рогами почти на половину стены. Эх, были же времена...

Де Креньян ещё раз вздохнул.

Его предки за десять поколений доказали право на бла-

городную приставку к имени. Особых титулов, земель и наград, правда, не обрели, но и своего исконного не растеряли. Ведь изначально благородный – он кто? Защитник рода – доблестный всадник – шевалье. Дворянин. А раз смог сохранить, значит, дворянин по праву. Но если не кривить душой, то жаловаться на времена грешно. Хоть по новой вере возьми, хоть по старой. Семья де Креньян и не бедствовала никогда. Всякое, конечно, бывало, но с фамильного аллода кормилось население трёх больших деревень, яблоневый сад давал такие урожаи, что для сидра не хватало бочек, а виноградник считался лучшим в Восточном Пределе. И это не считая пятисот акров леса, полноводной реки и нескольких глубоких озёр. Так что не голодали.

А насчёт богов... Ну раз сам король не чурался Триединого, то и вассалу его не пристало.

Де Креньян отбросил тяжёлые мысли и направился в спальню – проведать жену и ребёнка.

* * *

Через день Орабель почувствовала себя лучше, и с крещением не стали тянуть. Де Креньян спозаранку навестил настоятеля, испросил дозволения и немедля вернулся за домочадцами.

Заложили сразу две повозки. Ту, что подобротнее – хозяйскую, – украсили разноцветными лентами, внутрь набросали

свежего душистого сена, сверху покрыли оленьими шкурами. Эта для госпожи с младенцем и девочек. Вторую – обычную деревенскую телегу – загрузили угощением для народа.

Де Креньян помог устроиться семейству и кивнул эконому:

– Трогай, Тибо.

Тот залез на передок и щёлкнул хлыстом. Следом со двора вывел вторую телегу конюх Люка, сразу за ними хозяин – верхом. Жильбер же сказался больным и остался дома. Он не сильно радовался рождению брата и всячески давал родителям это понять.

Слухи в сельской местности растекаются быстро, так что к назначенному времени у церкви собрались жители Буиссона, Фампу и Трикадера. Не в полном составе, конечно, но те, у кого получилось, отложили работу, принарядились и пришли поздравить господскую чету с рождением сына. Народ встретил семейство де Креньян улыбками, смехом и здравницами.

Отец Онезим стоял на крыльце, одетый соответственно случаю, благостно сложив руки на животе. Его серую повседневную рясу сменила белоснежная альба, поверх которой сверкала золотой вышивкой новенькая долматика. На шее преподобного красовалась стола, расшитая крестами, с левой руки свисал манипул с золотой бахромой. Вид настоящий имел торжественный, но недовольный – не то застоялся, не то натирало ему где.

– Заждался уже, поторопитесь, – буркнул он вместо обычного приветствия и скрылся в дверях.

Де Креньян принял младенца, помог жене спуститься на землю и вместе с ней зашёл следом. Девочек оставили под присмотром слуг.

* * *

Обычная деревенская церковь, простая до аскетизма, но под её сводами пробирало до самых костей.

Просторный зал с высоким потолком. Пустой. Ни скамеек, ни стульев. Пред лицом Господа только так: или стоя, или на коленях. Справа – зашторенная бордовым бархатом исповедальня, слева – канон с дюжиной горящих свечей, в центре – купель со святой водой. Солнечный свет из стрельчатых окон играл на полу причудливыми тенями. У противоположной от входа стены высился аналой со святым писанием, рядом, на аналое пониже, лежала поимённая книга.

На самой стене блеснул лакированным деревом массивный чёрный крест. Лик Трединого сиял золотым окладом над вершиной, у концов поперечины – изображения его сыновей. Здесь невольно открывался сакральный смысл символа веры. Тъери де Креньян раньше о таком не задумывался, но сейчас его словно обухом по голове ударили.

Внизу человек, сверху бог. Вертикаль – путь смертного к Господу, общение с ним и воля его, напрямую входящая в

душу. Поперечина – напоминание, куда могут привести человека его поступки. Праведникам предначертана дорога направо – к Еноху в райские кущи. А кто не удержится и согрешит, тот налево свернёт, где ему уготовано чистилище Иезикииля и вечные муки.

Тем временем двери заперли на засов, аколиты в белых одеждах встали за спиной настоятеля, и отец Онезим жестом пригласил чету де Креньян подойти к купели.

Таинство крещения началось.

Трое там, трое тут. С одной стороны настоятель и два помощника, олицетворяющие Господа и его сыновей, с другой – родители, давшие жизнь, и новая душа, ещё светлая и незапятнанная не то что грехом, даже помыслом грешным.

– Как нарекли отрока? – спросил отец Онезим, сурово сдвинув брови.

– Ренардом, в честь деда по моей линии, – ответил де Креньян.

– Ренард... богоугодное имя, правильное. Господу нужны мудрые и сильные воители, – одобительно кивнул клирик, забрал младенца у матери и начал читать молитву.

Под речитатив на тайно-церковном он неспешно показал Ренарда аколиту по левую руку – тот кивнул, принимая новую жизнь. Повернулся направо – второй осенил ребёнка крестным знаменем, благословляя невинную душу. Ритуальное знакомство с сыновьями Господними закончилось, отец Онезим церемонно поцеловал младенца в лоб и обмак-

нул в купель с головой.

– Во имя всеблагого Триединого... – проговорил он первую часть обрядовой фразы и поднял младенца на воздух.

Ренард вытаращил глаза, судорожно вдохнул и стал вырываться. Отец Онезим не удержал мокрого младенца, и тот снова плюхнулся в воду. Де Креньян было дёрнулся, но левый аколит остановил его жестом – службу нельзя прерывать.

– Старшего Еноха... – пробормотал клирик и лихорадочно зашарил в купели.

Замочив рукава рясы по локоть, он наконец поймал Ренарда, вытащил, но тот взбрыкнул, извернулся и вновь полетел обратно, обдав всех присутствующих брызгами святой воды.

– И младшего Иезикииля...

Отец Онезим нащупал в воде детское тельце, стиснул покрепче и вытащил на воздух, только уже головой вниз. Ренард возмущённо заорал, задрыгал ногами и заехал пяточкой клирику в нос.

– Амен, – прогундосил отец Онезим и поспешил вернуть неугомонного младенца родителям.

Напоследок священник сделал запись в поимённой книге, размазав мокрым рукавом чернила, и на этом ритуал закончился – Триединый принял малыша под свою десницу, а провозвестник его запечатлел имя в перечне душ.

Аколиты торжественно распахнули двери храма Господня, и счастливая чета покинула церковь под радостный колокольный звон.

* * *

Дожидавшаяся их толпа оживлённо зашумела, но все послушно замолкли, когда де Креньян поднял руку, требуя тишины.

– Спасибо вам, люди добрые, что поделили с нами нашу радость, – низко поклонился он. – Не откажите же и выпить за здоровье моего сына, Ренарда де Креньяна. Люка, открывай!

Конюх тут же откинул мешковину с телеги, народ, углядев пузатые бочки, радостно загомонил. Кто же откажется выпить на дармовщинку, да ещё по такому поводу. Тут уж сам Бог велел. В адрес благородного семейства полетели здравницы, славословия и благодарности. Местные разбежались по дворам и быстро вернулись, уже со столами и лавками в руках. Откуда ни возьмись появились разномастные стаканы, чашки, тарелки, а к привезённому добавилось ещё снеди, простой, но обильной. На площади затеялся настоящий пир.

К де Креньяну со спины неслышно подошёл отец Онезим.
– В пределах храма Господня можно славословить только Всевышнего и его сыновей, – недовольно прошипел он,

словно ему хвост прищемили. – И уж совсем не стоит поощрять праздность и чревоугодие в пастве его.

– А мы и вам привезли, святой отче, в благодарность за ваши труды, – ответил ему де Креньян. – Вы уж не откажите.

– Да? А что? Где? – разволновался священник, сразу потеряв торжественный вид.

– Тибо! Люка!

На зов подбежали эконоом с конюхом. Один с бочонком вина на восемь куадов, второй с половиной копчёной свиньи. Лицо отца Онезима мигом расправилось, глазки замаслились, он даже причмокнул от удовольствия. Ноша была не из лёгких, но настоятель от помощи отказался. Не заботясь о чистоте белоснежного одеяния, он лихо перекинул свинью через плечо, облапил бочонок и скрылся в церкви. Конечно же, слова благодарности он позабыл.

Отсутствовал клирик недолго, минут через пять выскочил с ложкой в одной руке и с кружкой в другой и, позабыв собственные слова о праздности и чревоугодии, присоединился к пирующим. Вскоре отец Онезим уже отплясывал с прихожанками под пронзительно-задорные звуки пастушьего рожка.

* * *

Чтобы не утомлять жену, Де Креньян отправил её с детьми домой и уже собирался ехать сам, когда его тронула

за рукав незнакомя молодуха. Ну как молодуха – женщина лет тридцати в простой опрятной одежде, чистом фартуке и белом чепце с оборками.

– Ваша милость, я слышала, кормилицу ищете? – спросила она.

– Правильно слышала, – кивнул де Креньян.

– Я пойду, если возьмёте.

Де Креньян внимательно посмотрел на женщину. Кровь с молоком. Сильные руки, крепкий стан, широкие бёдра. Такая и Ренарда выкормит, и по хозяйству поможет, и за остальными детьми присмотрит, если понадобится. Хорошая кандидатура. Подходящая.

– А как же хозяйство, дети?

– Да вы не беспокойтесь, есть кому присмотреть. Могу к вам переехать, могу так приходить, ко времени. Последышу моему уже год как исполнился, а молока всё ещё – что у дойной коровы.

Она лихо стиснула ладонями налитые груди, и де Креньян отшатнулся, испугавшись, что брызнет.

Захотали оба.

«И характер незлобивый, весёлый», – отметил де Креньян про себя, а вслух сказал:

– Давай к нам, если муж отпустит. Комнату тебе найдём, столоваться будешь в имении, да и с оплатой тебя не обижу.

– Да куда он денется, муж-то, – усмехнулась женщина, похозяйски уперев руки в бока.

Ну да, у такой не забалуешь.

– Вот и договорились, – улыбнулся де Креньян и кликнул конюха. – Люка!

Тот подошёл нетвёрдой походкой, потёр покрасневшие уши и преданно уставился на господина блестящими глазами.

– Слуш-шаю, милсдрь, – выдохнул он, обдав всех присутствующих винными парами.

– Наклюкался уже, изверг? – покачал головой де Креньян.

– Ну тк... праздник-то какой, милсдрь!.. Это уже, почитай... – Люка сдвинул брови, покачнулся и начал загибать пальцы, быстро сбился и махнул рукой. – Почитай, какой уже де Креньян-н-н-на м-моей памяти. А я... верой и правдой...

Конюх от полноты чувств замотал головой, но господин жестом остановил его изливания.

– Так, – приказал он, – бери... Как тебя звать-то, милая? Познакомиться мы и забыли.

– Жеральдина.

– Бери Жеральдину, поезжай к ней домой, как соберётся, вези в усадьбу. Я пока распоряджусь, чтобы ей комнату приготовили.

– П-понял, милсдрь, – надул губы Люка, чуть дрогнув в коленях, – всё с-делаем в луч-ч-ш-шем виде.

Он решительно шагнул в сторону, де Креньян поймал его за шиворот, развернул по широкой дуге и мягко подтолкнул в спину.

– Упряжка в той стороне.

– Я за ним присмотрю, ваша милость, – улыбнулась Жеральдина, – если что, я и с лошадей управляюсь. Да и его приструню, коли заартачится, не сомневайтесь.

Де Креньян вскочил в седло и поскакал в поместье. Орabelle, наверное, уже добралась, нужно обрадовать её новостями.

Глава 2

– ...Если есть на свете земля обетованная, то это Бельтерна. Высокие горы защищают её от северных ветров, южные берега омывает бескрайнее море. Так что лето здесь долгое и приятное, а зима тёплая и скоротечная. Полноводные реки Бельтерны изобилуют всяческой рыбой, озёра – жирными утками, а леса – всевозможнейшей дичью, грибами и ягодами. Плодородные пажити не устают радовать урожаями, на тучных выпасах без счёта прирастают стада...

Кто-то получал знания в академиях, кто-то – выслушивая былины сказителей, а Ренард впитывал их с молоком. Жеральдина сидела на кухне, качала ногой колыбель со своим сыном и кормила маленького де Креньяна. Симонет шинковала большим ножом овощи. Ренард сосал грудь, причмокивал и лупал голубыми глазёнками, будто что-то действительно понимал.

– ...Люди здесь селились испокон веков. Звали они себя вельты. За благое воздавали благим, худым – за худое. Званным гостям были рады, незваных – гнали в шею поганой метлой, а когда и мечом, тут уж как разозлят. Так издревле повелось, и так они жили, соблюдая заветы предков. Женщины рожали, растили детей и хранили очаг, мужчины пахали землю, пасли скот и занимались ремёслами...

– Пахали, пасли... – возмущённо фыркнула Симонет. –

Вельты всегда были воинами! Гордыми, сильными, смелыми. Во славу Водана, Доннара и Циу.

– Тише, ты, языкатая! – шикнула на неё Жеральдина. – Хозяйка запретила поминать древних богов.

– А что я такого сказала? – откликнулась стряпуха, сооротив невинную мину. – Да и не понимает он ещё ничего.

– Всё он слышит, всё понимает, – склонилась кормилица над малышом. – Да, маленький?

Ренард сосал грудь, причмокивал и лупал голубыми глазёнками, будто что-то действительно понимал.

Когда маленького Ренарда приносили к матери, он слышал другое. Госпожа де Креньян – хрупкая и болезненная женщина – выросла в благородной семье, которая в числе первых приняла Триединого в Восточных Пределах. Орабель рассказывала сыну о единственно истинном Боге, о его все терпимости, всеблагости и доброте. Она искренне хотела воспитать своего сына в новой вере. Но выбирать предстояло ему. В кого верить и кому поклоняться. Но это уже позже случится, а пока Ренард рос, слушал и ел. Других забот у него и не было.

Жеральдина кормила младшего де Креньяна до двух лет, а потом съехала, но и после навещалась частенько – проведать да и помочь по хозяйству – господу щедро платили.

Своё первое слово – *пере* (папа) – Ренард сказал восьмимесячным, пошёл в год, а в три уже бегал. И если пухлого мальчугана не успевали поймать, его всякий раз приходилось возвращать из ближайшей деревни, куда он сбегал то на свиней поглазеть, то гусей погонять, а то и в помощники к пастухам набивался. Любознательным он рос, самостоятельным. И шустрым. Дай бог уследить.

Ренард становился старше, открывал для себя мир, полный интересных вещей, и занятий у него прибавлялось. Но ещё больше прибавлялось забот окружающим. Не только родным, вообще всем. Младшего де Креньяна то и дело видели сосредоточенно топающего по просёлку босыми ногами. А что? Посмотреть, как коров доят, надо? Надо. Как землю пашут? Тоже. Как хлеб убирают? А как же иначе. И этих «как» было не сосчитать: как сидр варят, как сыр ставят, как вино дают; как свиней забивают, как кишки добывают, как колбасу набивают; как сено косят, в стога мечут, как косы правят, да мало ли чего ещё?

Пытливого отрока постоянно откуда-то доставали и почти всегда в последний момент. То выхватят из-под копыта быка, которому Ренард зачем-то в яйца острой палочкой тыкал. То выудят из чаши винодавильни, где он подглядывал, как под тяжёлым катком сочные ягоды лопаются. А с мельничного

вала его вообще едва успели снять, когда рубаху затянуло в механизм передачи. А после случая, когда Ренард слетел с водяного колеса в запруду и чуть там не утонул, ему вообще запретили ходить на мельницу. И мельника предупредили. Строго-настрого.

Но Ренард недолго унывал, открыв для себя взамен чудный мир огня, мехов и раскалённой стали. Он тайком пробирался в кузню и наблюдал, как звероватый, заросший бородицей мужичина в прожжённой домотканой рубахе и засаленном кожаном фартуке раздувает огонь в печи, достаёт щипцами докрасна раскалённый брусок и плющит его большим молотом на наковальне. И зрелище ему не надоедало. Беспорочная железная плюха приобретала строгие контуры, превращаясь то в заготовку для ножа, то в подкову, а то и в топор, и это было для Ренарда сродни самому настоящему волшебству. А с нелюдимым кузнецом Аимом он потом подружился, и с тех пор у них сложились самые доверительные отношения.

А вот с деревенскими огольцами не складывалось. Если взрослые изначально воспринимали Ренарда как благородного де Креньяна и господского сына, то для детворы он был просто ровесником. Таким же чумазым и босоногим. К тому же не местным, что имело решающее значение. Поэтому Ренард дрался с ними с самого первого дня и потом постоянно.

Он возвращался домой в синяках и ссадинах, но едва те подживали, снова искал деревенских и снова дрался. Мать

охала и возмущалась, а отец лишь довольно хохотал. Ну какие драки у ребятни? Так, потолкаются немного, ну, может, фингал кому под глазом поставят, но это только характер бойца закаляет. Поэтому старший де Креньян втихомолку сына даже поощрял. И хвалил, когда тот выходил победителем.

В остальном Ренарда окружала всеобщая любовь, доброта и забота. Домочадцы в маленьком проказнике души не чаяли, а крестьяне привечали его как родного – семейство де Креньян тут любили. Лишь брат его не сильно жаловал, хотя особенных причин для этого не было.

По королевским законам, отцу наследовал лишь старший сын. Единолично. Остальным же уготовано служение. Королю или Господу, на выбор. Возможно, на отношении Жильбера повлияло то, что сам он рос хилым и слабым, а в Ренарде с малых лет ощущался бойцовский характер. Возможно, потому, что старший больше любил чтение и счёт, а младшему по душе были мужские забавы. Возможно, Жильбер ревновал к родительскому вниманию... Но, как бы там ни было, он воспринимал брата как нечто временное и бесполезное. Досадную мелочь, которая должна вскоре исчезнуть из его размеренной жизни.

В раннем возрасте Ренарда опекали женщины. Мать его учила счёту, письму и почитанию Триединого, и малыш вместе с ней усердно выписывал закорючки, искал знакомые буквы в Святом Писании и крестился на символ веры, моля

о благополучии близких.

Симонет втихую рассказывала, как задобрить *иных*, и Ренард сам наполнял блюдо молоком и ставил его у камина. А после всю ночь напролёт караулил домовёныша. Как правило, мальчонка засыпал, но наутро обнаруживал, что молоко кто-то выпил. Может быть, кошка, а может быть, *иной*. Ренард предпочитал вторую возможность, хотя тому доказательств не было.

Сёстры – златокудрые красавицы, Ивонн с Элоиз, – играли с ним, словно с ожившей куклой, наряжая и заплетая в волосы ленточки, пели ему баллады о красоте и деяниях благородных рыцарей, и тогда вдохновлённый малыш выламывал лозину и бежал в поле, где сшибал головы лопухам, воображая себя легендарным воином.

Отец плотно взялся за воспитание, когда Ренарду исполнилось семь лет. Общепринято приучать мальчиков к мужским поступкам с восьми, но де Креньяну не терпелось, отчасти потому, что с Жильбером он потерпел неудачу. Так что на седьмой день рождения Ренард получил свой первый меч – увесистую, грубо отёсанную деревяшку с примотанной соломенным жгутом крестовиной. А когда выяснилось, что отец не шутя собрался обучать его фехтованию, потребовал начать немедленно и первым умчался во двор.

В моду уже начала входить *spada*. Она, как и всё новое до неё, пришла из Литалийской империи, вместе с литалийскими же учителями и фехтовальными книгами. Поговаривали, что весь двор во главе с королём перешёл исключительно на это оружие. Благородные из провинций – те, которые побогаче, – тоже потихоньку перенимали. Дошло и до Восточных Пределов. Де Креньян уже видел несколько, а одну даже в руках подержал. Несерьёзное оружие, лёгкое. Парадное. Для красоты. И неоправданно дорогое к тому же.

Поэтому он учил сына воинскому искусству, в точности как его в своё время учил отец, отца дед, а деда прадед. Тем паче, что мода – особа ветреная – пришла и ушла, а полуторный меч, он незыблем. Через века прошёл. И остался. Исконное оружие Вельтов. Надёжнее не придумаешь.

– Пере, а мы будем ср-р-ражаться, как настоящие р-рыцари? – спрашивал Ренард, налегая на звонкую «р» и смешно размахивая своим «мечом».

– Нет, сначала тебе надо запомнить базовые стойки, разучить правильные движения и освоить защиту, – с улыбкой отвечал де Креньян, опираясь вместо настоящего меча на толстую палку.

– Это скучно и долго. А защита – она для трусов, – воинственно фыркнул бутуз, – и двигаюсь я уже быстро, вот

смотри! Я атакую!

Ренард подбежал к отцу, широко размахнулся и рубанул сверху вниз. Де Креньян, не сходя с места, отразил удар, отчего «меч» сына улетел далеко в сторону, а сам малыш затряс отбитыми ладошками.

– Ты проиграл, – сказал де Креньян, коснувшись своей палкой макушки сына.

– Так нечестно, – заявил в ответ Ренард, обиженно надув губы, – у тебя меч длиннее и легче.

– Давай поменяемся, – не стал спорить отец.

– Давай.

Ренард с упорством дикого кабанчика атаковал снова и снова, менялся оружием, пытался хитрить, но результат оставался неизменным. «Меч» отца в конце каждой схватки касался его головы, иной раз достаточно чувствительно и обидно. Наконец мальчишка остановился, насупился и почесал ушибленную макушку.

– А много там этих стоек? – с неохотой спросил он, поняв, что учения не избежать.

– Основных пять. И четыре вспомогательных. Есть ещё, но для начала тебе хватит и этого.

– Пять и четыре... – Ренард задумчиво принялся загибать пальцы, потом сжал их в кулак и приободрился. – А когда я всё выучу, мы будем ср-р-ражаться, как настоящие р-рыцари?

– Конечно, волчонок, – улыбнулся старший де Креньян, –

для чего тогда я тебя учу?

– Ладно, показывай. – Младший преисполнился решимости и подобрался.

– Смотри и запоминай. Правую ногу выставь вперёд, левую чуть согни, только следи, чтобы носок смотрел в сторону, – принялся объяснять отец, показывая на личном примере. – Меч берёшь двумя руками, вот так, и направляешь его остриём вперёд. Эта стойка называется «Бык».

– Бык? – звонко расхохотался Ренард. – Как Реблошон тётки Эдвиж или Эпуас дядьки Шарло?

– Как оба, наверное, – растерялся от неожиданного вопроса отец.

– Нет, пере, так не бывает, – серьёзно покачал головой начинающий мечник. – Как оба? Они же разные. Реблошон, он рыжий с подпалинами, и рога у него кривые, а Эпуас белый, а рога у него – во.

Мальчуган зажал «меч» между коленками и для наглядности раскинул руки, показывая, сколько это «во».

– Пусть будет как Эпуас, – с улыбкой согласился отец.

Ренард кивнул, довольный, что родитель внял его доводам, и старательно повторил все движения.

– Хорошо, – сказал де Креньян, когда убедился, что малыш понял правильно. – Теперь делай короткий шаг вперёд и перенеси вес на переднюю ногу. Меч опусти перед собой, чтобы клинок смотрел снизу вверх. Вот так. Эта позиция называется «Плуг».

Ренард шагнул, перенёс, опустил, но потом выпрямился и с сомнением посмотрел на отца.

– Пере, почему это «Плуг»? Это же меч. А я рыцарь, а не какой-нибудь там крестьянин. Видал я, как мужики землю пашут, совсем даже не похоже, ничутьочки.

– А ты заметил, как они руки держат?

– Ой, – Ренард задумался, вспоминая, – и вправду. Тогда ладно, пусть будет «плуг». Что там у нас дальше?

– Дальше у нас «Глупец». Опускаешь руки, направляя клинок остриём к земле, при переходе делаешь шаг... Что опять?

Де Креньян прервал объяснения, увидев, как замер и недовольно насупился ученик.

– Не буду я эту стойку разучивать, – пробурчал Ренард, опуская свой «меч». – Плохая она. Нехорошая. И я неглупый! Я рыцарь!

– А, вон ты о чём, – расхохотался отец, поняв причину поведения сына. – А знаешь, как настоящие рыцари говорят?

– Как? – наострил уши мальчонка при упоминании о «настоящих рыцарях».

– Глупец не тот, кто так стоит, а тот, кто на это купился, – пояснил де Креньян.

– Это другое дело, – тут же оттаял Ренард. – Пере, а что такое «купился»?

– Это я тебе в другой раз расскажу, а теперь продолжим. «Крыша». Ноги ставишь так и так, меч поднимаешь над го-

ловой и держишь прямо, вдоль земли.

Ренард разулыбался, но на этот раз промолчал – связь названия стойки с кровлей дома он уловил. Но услышав следующее, не удержался и снова залился звонким смехом.

– «Хвост»? Ну что ты, пере, у людей же хвостов не бывает.

– Но похоже, не так ли? – Отец повернулся к нему боком.

– Похоже, пере.

– Значит, хвост...

Ренард с удовольствием тренировался каждый день, и вскоре занятия дали закономерные результаты. Подчас неожиданные.

* * *

– Что это у тебя, волчонок?

Ренард стоял боком к отцу и тщательно прятал лицо. Де Креньян взял его за подбородок и развернул к себе – под глазом у мальчугана красовался сочный лиловый синяк, на разбитой нижней губе запеклась кровь.

– Объяснишь, что случилось?

– С деревенскими подрался, – нехотя ответил Ренард и виновато потупился.

– Был повод?

– Они сказали, что меч у меня не настоящий, а рыцари бывают только в сказках.

– А ты что?

– Сказал, что они дурни свинорылые.

– А они? – Де Креньян сделал усилие, чтобы не рассмеяться в голос.

– Жакоб мне подножку поставил, а Кола двинул кулаком в глаз, – расстроено отвернулся Ренард. – Напали вдвоём на одного. А так нечестно.

– А ты?

– А я встал и всех их палкой отлупил... своим мечом то есть. И сказал, что водиться больше с ними не буду, потому что они козлы пархатые и мерзкие свинолюбы.

– А где, прости, ты таких слов нахватался? – осторожно полюбопытствовал отец.

– Так дядька Херв научил, пастух из Фампу. Я ещё много чего такого знаю. Вот послушай... – Ренард набрал воздуха в грудь, чтобы поделиться с родителем знанием.

– погоди, сын, – остановил его де Креньян, – забудь всё, чему тебя учил дядька Херв. Это нехорошие слова, их нельзя говорить.

– Как нельзя? – искренне удивился тот. – Дядька Херв такое постоянно говорит. И дядька Шарло, и Фирмин, и...

– Ренард! – прикрикнул на него де Креньян.

Мальчишка притих. По имени его отец называл, только когда сердился.

– Запомни, сын, ты не Фирмин и не дядька Шарло, ты де Креньян. Достойный отпрыск достойного рода. И вести себя должен как дворянин, а не как пахарь или пастух. Для те-

бя важна одна лишь честь. Рода, семьи, имени. Всё остальное вторично. И каждое слово, каждый поступок должен это подчёркивать. И ещё запомни на будущее, сын: ты уже почти взрослый, и отныне никто, кроме любимой женщины, не может касаться твоего лица рукой безнаказанно. Никто.

– А если всё же такое случится?

– Тогда ты должен вызвать обидчика на поединок.

– На драку, что ль?

– Почти. Только с оружием в руках, и у благородных такая драка называется дуэлью. До первой крови или даже до смерти. Уяснил?

Ренард кивнул, хотя не понял и половины из того, что сказал отец, но торжественным тоном проникся. Осознал, что эти слова очень важные, и постарался запомнить.

* * *

Тъери де Креньян отдавал сыну всё своё свободное время. И сам словно помолодел, получая от младшего всё то, что недополучил от старшего. Он бы многое отдал, чтобы Ренард родился первым, но тут уж высший порядок вещей, ничего не изменишь. Понимание, что сын скоро вырастет и покинет их с матерью, делало каждый день особенно ценным.

Де Креньян учил сына всему, что, по его мнению, должен был знать мужчина и воин: плавать, обихаживать лошадей, добывать огонь в поле или в лесу. Вместе они соверша-

ли длительные пешие переходы, которые Ренард называл боевыми походами. Отец постепенно добавлял новые занятия к уже имеющимся. К мечу добавился боевой топор, к фехтованию – метательные дисциплины.

И Ренарду нравилось. Он мог часами напролёт метать в мишень острые железяки, а из речки вылезал с посиневшими губами, и ему не надоедало. Юный воин бегал, плавал, взбирался на деревья, энергии у него хватало на всё. А редкие минуты отдыха проводил в кладовой, где хранилось старое оружие и доспехи.

В восемь лет Ренарду подарили коня – буланого жеребчика-двухлетку по кличке Флан. Младший де Креньян тогда целый час слова не мог вымолвить от восторга, а потом больше месяца ночевал на конюшне, и никто не смог его отговорить. Ещё бы, у мальчика появился настоящий, рыцарский, скакун. Кто о таком не мечтает?

Горя тогда хватанули деревенские пастухи, которых Ренард одолевал с непрошеной помощью – то свиной загонит в болотину, то коров распугает по всей округе, собирали потом всей деревней. Впрочем, никто не жаловался – мальчишка же, не со зла.

В девять, когда Ренард достаточно окреп для того, чтобы натянуть тетиву, отец стал учить его стрелять из лука. Не рыцарское занятие, да и оружие для простолюдинов, но де Креньян посчитал, что лишним не будет. Когда Ренард приловчился укладывать стрелы в центр мишени, он стал про-

падать в лесах и на речках – охота сделалась для него любимым занятием.

Там, в лесу, и произошла встреча, давшая первую трещину в образе идеального детского мира.

Глава 3

В тот день Ренард забрался далеко в лес, почти к самым моховым болотам, где лакомились голубикой жирные глухари. Одного он уже добыл и выследил второго – тот объедал ягоды с невысоких кустов. Младший де Креньян осторожно подкрался на расстояние выстрела, прицелился, натянул тетиву...

За деревьями громко треснула ветка – птица тяжело захлопала крыльями и улетела, а выпущенная стрела зарылась глубоко в мох.

Ренард зашипел от досады – и трофей не добыл, и стрелу теперь не найти.

«Кого там нелёгкая принесла?»

Словно в ответ на его мысли, из-за деревьев появился долговязый высохший старец с морщинистой кожей, впалыми щеками и слипшейся в сосульку седой бородой. Он устало опирался на длинный посох, изогнутый сверху серпом. Второй, уже настоящий, – только не такой, каким бабы пшеницу жнут, а размером поменьше, – висел у старика на поясе. Его замызганный, мокрый до самых колен балахон был некогда девственно белым.

– Ты здесь один, отрок? – спросил старец, настороженно озираясь.

– Здравствовать тебе, дедушка. – Юный охотник пропу-

стиль вопрос мимо ушей и отреагировал с детской непосредственностью: – Меня родители учили сначала здороваться, тебя не учили?

Ренард ничуть не испугался появления незнакомца. Привыкший ко всеобщей доброте и заботе, он даже не представлял, что с ним может случиться что-то плохое. Тем более он на своей земле хозяин, пускай и маленький. А гость всего лишь немощный старик, что он сделает?

– Да, прости, – признал свою оплошность старец и с низким поклоном произнёс: – Здрав будь, отрок, да охранят тебя древние боги. Меня зовут Вейлир. Откроешь мне своё имя?

– Ренард де Креньян. – Мальчик с достоинством поклонился, как учил его отец, но потом не утерпел и спросил уже без всяких церемоний: – А ты чего здесь делаешь? Заблудился?

– Не то чтобы совсем заблудился, – по лицу старца скользнула грустная улыбка, – скорее, сбился с пути. Долго в дороге, устал, ослаб и вымок до нитки... Прости, что испортил тебе охоту.

– Да пустое, – по-взрослому отмахнулся Ренард, – Лучше давай я тебя угощу. Только сначала на сухое выберемся.

От него не укрылся измождённый вид старика и голодные взгляды, которые он кидал на добытую птицу. Да и о гостеприимстве забывать не стоило, раз уж сам назвался хозяином.

Ренард с обстоятельностью опытного охотника выбрал сухую кочку, достаточную, чтобы устроиться там с удобством, и скинул свою амуницию. Потом насобирал упавших сучьев, составил их шалашиком, выбил кресалом искру и запалил костёр. Пламя занялось, затрещали смолистые ветки, пахнуло дымком. Старик придвинулся поближе и с наслаждением протянул ладони к огню.

– Вот, держи. Испей чистой водицы и хлеба нашего отведай. Симонет лучший в округе хлеб печёт. – Ренард передал гостю флягу и краюху ржаной булки, которую ему всегда давала кухарка с собой. – Перекуси, а я глухаря пока приготовлю.

– Спасибо тебе, добрый отрок.

Старец с благодарностью принял угощение, но есть не стал – с любопытством наблюдал за действиями мальчика. Когда Ренард вытащил нож и хотел было освежевать птицу, Вейлир его остановил:

– Погоди, дозвожь мне.

Теперь уже Ренард с интересом посмотрел на него и протянул широкий клинок и мёртвую тушку. Старик от ножа отказался. Снял с пояса свой серп, сноровисто отрубил клювастую голову и окропил землю вокруг себя каплями крови.

– Водан, Доннар и Циу, примите благодарность мою и отрока Ренарда за ниспосланную добычу.

Взял отрубленную голову и бросил её в костёр. Вверх сыпанули искры, пахнуло палёными перьями.

– Сейшамни Левтисикай, не откажись принять дар отрока Ренарда за удачу в охоте.

Потом вспорол брюхо обезглавленному уже глухарю, вырезал потроха и закинул влажный окровавленный ком в ближайшие кусты.

– Ваша доля, *инье!* Дабы не гневались вы, не сердились и не строили козней юному де Креньяну.

– Что они мне сделают, *инье-то?* – насмешливо фыркнул Ренард.

Вейлир с удивлением посмотрел на него, но ничего не ответил.

Тем временем молодой де Креньян отошёл в сторонку, присел на колени и вскрыл ножом дернину. Наковыряв две пригоршни влажной глинистой земли, он забрал птицу у старца, обмазал толстым слоем прямо поверх перьев и положил тушку у костра, а сам принялся подкладывать в огонь толстые ветки.

– Умелый ты не по годам, как я погляжу. Отец обучил? – Слова из уст старца прозвучали похвалой.

– Отец, – степенно кивнул Ренард, стараясь не выказывать удовольствия.

Разговор на время утих. Старик грелся и обсыхал у костра, наслаждаясь теплом и покоем. Ренард подкармливал огонь дровами и хворостом. Когда угляй накопилось достаточно, он палкой сдвинул их в сторону и вырыл в горячем ещё грунте неглубокую ямку. Положил туда птицу, чуть при-

сыпал землёй и вернул всё обратно.

– Скоро будем обедать, дедушка, потерпи немного, – сообщил он Вейлиру.

– Да я никуда и не тороплюсь, – кивнул тот.

Когда подошло время, Ренард снова сдвинул костёр, выкатил палочкой на траву спёкшийся ком глины и расколол его ножом. Твёрдая корка отошла вместе с кожей и перьями, обнажилось печёное мясо. Местами подгорелое, местами сырое, но голод не тётка – старик уплетал так, что за ушами трещало, даже без соли. Да и сам Ренард проголодался на свежем воздухе-то.

За едой беседа возобновилась.

– Ты не боишься вот так, в одиночку, по лесам шастать? – спросил старец, обсасывая крылышко.

– А кого мне бояться, дедушка? Это же наши родовые земли, и незнакомцев, кроме вас, я доселе здесь не встречал.

– Так не людей нужно бояться, отрок. *Иных*. Ты хоть слышал о них, недоросль?

– А как же. Мне Симонет рассказывала. В лесах лесовики водятся, в полях – полевые, на болотах – болотники, а домовёныша я даже ловил. На молоко, в детстве, – ответил Ренард таким тоном, словно он уже взрослый, а детство давным-давно минуло. – Не поймал, правда. Да и сказки всё это, а молоко тогда кошка выпила.

От безобидного вроде ответа старик вдруг взбеленился. Его лицо исказилось, брови грозно сомкнулись, взгляд стал

безумным.

– Лесовики?! Полевые?! Кошка выпила?! – вскричал он, яростно разламывая глухариную ножку. – Да что ты понимаешь, глупый юнец?! О боги, куда катится этот мир?!

– Глупый – не глупый, а глухаря мы сейчас моего доедаем, – надулся Ренард и стал собираться, буркнув себе под нос едва слышно: – Спасибо бы хоть сказал, неблагодарный старик.

– Прости мне, юный де Креньян, мою несдержанность, – опомнился Вейлир, принимая прежний измученный вид, и спросил уже с дружелюбными интонациями: – Ты и вправду ничего не знаешь об *иных*, древних богах и служителях их – друидах?

– Не знаю, – бросил Ренард, всё ещё обижаясь. – Да и без нужды мне. Древние боги, они неправильные. Матушка говорит, что истинный Бог один. Триединый. И на всё воля его.

Старец нахмурился, готовый разразиться новой отповедью, но вовремя сдержался. А Ренард уже завязал котомку, повесил на плечо колчан и подобрал с травы лук.

– Прощевай, дедушка. Флягу прими от меня как подарок, тебе пригодится в дороге. И осторожнее смотри, на болотах не утопни. А мне домой уж пора, – сказал он напоследок, развернулся и уверенно зашагал прочь.

– А хочешь, я тебе расскажу, как всё на самом деле было? – тихо бросил ему вслед Вейлир.

Мальчик замедлил шаг.

– Про древних расскажу, про друидов? – продолжал соблазнять старец.

Ренард в нерешительности остановился.

– Про *иных* и других опасных созданий?

На этих словах Ренард не выдержал, мальчишечье любопытство пересилило детскую обиду, и он вернулся к костру. Скинул с себя снаряжение, сел и требовательно посмотрел на старика.

– Начинай.

И Вейлир повёл неторопливый рассказ.

* * *

...С начала времён за вельтами присматривали древние боги. Нерадивых наказывали, трудолюбивых поддерживали, злых и подлых карали. Богов было много, на каждый случай жизни – свой.

Над всеми стояла Деа Матрона – богиня плодородия и процветания. Богиня-мать, радеющая за своих детей. Божественных, человеческих и нечеловеческих. Ей поклонялись повсюду, почитая и превознося её имя. Дарили плоды земледелия, молоко и вино, взыскуя о богатом урожае с полей и многочисленном приплоде от скотины. Обычно она отвечала. Ну почему бы и нет, если ей вовсе не сложно?

Помогали ей старшие боги, верховная троица: Водан – бог ветра и бури, Доннар – бог грома и молний, Циу – бог вой-

ны и воинской доблести. Эти больше карали. Их боялись и почитали, забивая на алтарях жертвенных агнцев и священных белых петухов. А жертвы человеческие боги забирали сами, в основном когда люди их гневили, но такое происходило нечасто.

Дальше шли ещё трое. Не старшие, но и не в общем ряду. Суровые, требовательные и грозные. Они жёстко спрашивали с людей за любые ошибки. Не принёс должных даров и утонул в море – это оскорбился Тевтат, бог большой воды; заблудился или задрали волки в лесу – это обиделся Эзус, бог высоких деревьев; перебрал эля и угорел в избе – за это ответственен Таранис, бог огня.

Но были и другие боги. Младшие. Добрые. Те, что с удовольствием помогали людям добывать хлеб насущный.

Земледельцам благоволили Литавис, Росмерта и Алус, оберегали от засух, защищали посевы от вредителей и по-травы.

Суцелл дарил виноградарям новые сорта винных ягод.

Эпона помогал коневодам с лошадьми.

Моккус следил, чтобы свинопасы не растеряли хрюшек, и заботился о приплоде.

За кузнецами присматривал Гоббан, исподволь открывая месторождения железной руды и секреты ковкой стали.

О чистых источниках заботилась Ковентина, а полными колодцами ведала Имона.

За здоровьем людей следили Сирона, Белениус и Алан,

открывая целителям секреты врачевания и целебные свойства трав.

В каждой речке, в каждом озере селилась своя богиня, посылая рыбакам богатый улов за малую благодарность.

Особо почитали Сейшамни Левтисикай – богиню сельских мест, луны и охоты. Она же ведала перекрёстками. Не теми, дорожными, что встречаются каждому путнику, а теми, что ведут в подземный мир – мир усопших, мир, где умершие души дожидаются нового воплощения, мир, которым правили три сестры...

– Погоди, – прервал старца Ренард. – Сейшамни Левтисикай. Это ей ты глухариную голову в костёр кинул?

– Голову в костёр? – усмехнулся старик. – Ну, можно и так сказать. На самом деле мы с тобой провели древний обряд всех охотников, но да, ей. Раньше всегда так делали, а сейчас даже в благородных семьях отроков этому не учат. Я продолжу?

Ренард нетерпеливо кивнул.

...Так вот, три сестры. Бадб Катха, Морриган и Немайн. Богини, что отмеряли жизнь, её отбирали и решали, кому и как умереть. А от того, как смертный принимал свою кончину, зависело, кем он станет в следующей жизни и как долго будет ждать нового воплощения. Если знать способ, то эти богини могут наделить человека небывалыми силами, но иг-

рать с ними опасно. Сложно угадать, на что они могут разгневаться и что попросят взамен.

На лесных полянах, в долинах рек и на вершинах холмов вельты ставили алтари, дольмены и менгиры, где поклонялись вышним силам. За капищами присматривали друиды – седовласые старцы в белых одеяниях – мудрецы и целители, хранители знаний былых поколений. Они толковали волю древних богов и задабривали их ритуальными жертвоприношениями. Богиню-мать восславляли безвинные девы, одаривая плодами земледелия...

Ренард, словно впервые увидел старца, внимательно посмотрел на его одежду, на посох, на бороду и снова перебил:

– Так ты друид?

– Друид, – с улыбкой согласился тот.

– И знаешь, как испросить великие силы? – недоверчиво прищурился Ренард.

– Знаю, – не стал отрицать Вейлир.

– Испрашивал?

– Нет, – честно признался старик, – страшусь. Не разгневать богинь, нет. Боюсь, не справлюсь с полученным даром. Друид светлым должен быть, а сила трёх сестёр тёмная. Страшная сила. Непредсказуемая.

Ренард, удовлетворённый ответом, замолк, а Вейлир продолжил.

...Были ещё ведуньи, ведьмы и знахарки. Одни трактовали вещие сны и знамения, другие знали с *иными* – привлекали полезных и отваживали плохих.

Иных везде называли по-разному – чужане, иншие, нежить и даже нечисть, – но смысл от этого не менялся. Не люди – нелюдь. С особенным обликом, странным укладом, нечеловеческими привычками и желаниями, подчас до изумления жуткими. Мелкие и не очень, добрые и не совсем. Кто-то подчинялся богам, кто-то их боялся, а кто-то плевал на всех и делал, что ему заблагорассудится. Горы, леса и водоёмы ими кишели: зелигены, ундины, барбегази, список длинный. Даже людские жилища не обходились без них – домовёныш, овинник, сенник, да много кого ещё, всех не упомнишь. Если подкормишь, то и помогут, обозлишь – навредят. Но люди как-то находили с мелкими сущностями общий язык: когда молочка нальют, когда хлебушка на столе оставят, а когда похвалой обласкают...

– Ты говоришь, были, – не утерпел Ренард. – А сейчас они есть?

– А как же. Конечно же есть, куда ж им деваться-то?

– А почему я тогда их не встречал?

– Скрытные они стали, да и затаились с приходом Триединого, стараются не показываться без нужды людям, больше прячутся.

– А ты ещё про опасных *иных* рассказать обещал.

– Да все они небезобидные, – хмыкнул друид. – Даже мелкая тварюшка вроде полевика может выкинуть какую-нибудь пакость. Тут многое от самих людей зависит.

– В смысле от самих людей? – не понял Ренард.

– В том смысле, что добро притягивает добро, а зло порождает зло. Если люди скверные, жадные, злые, то и чужане подбираются им под стать. В таких местах много чего завестись может: ругару с личиной лютого зверя, дипы, алкающие крови, гауэко – охотник за ночными гуляками... Но этих хоть можно известить и отвадить, а есть ещё те, с кем не договоришься и не задобришь никакими подношениями. Человекам они сулят лишь страшную смерть, если кому не повезёт с ними встретиться...

На этих словах друид замолчал и надолго погрузился в тревожные размышления. Костёр уже давно потух, лишь мерцали редкие угли в сгустившихся сумерках. Солнце ещё не зашло, но в лесу всегда раньше темнело. Ренарда это беспокоило мало – здешние окрестности он знал как свои пять пальцев.

– О ком ты? Расскажи поподробнее, мне жутко интересно, – затеребил де Креньян притихшего старца.

– О ком? О жнеце смерти по имени Анку и Семерых его вестниках, – тяжело посмотрел на него Вейлир из-под нахмуренных бровей. – Нет в этом ничего интересного, отрок, только страх, боль и скорбь. Да и не стоит о них на ночь глядя. Беду можем накликать.

– Да ничего не накличем, – легкомысленно отмахнулся Ренард и осёкся.

В дебрях леса раздался леденящий душу вой, деревья закрипели, колыхнув ветвями на фоне полного безветрия, на болоте послышалось бульканье и чавкающие звуки, словно кто-то шёл к ним через топь. Ренард вздрогнул, непроизвольно схватился за нож и заозирался, а старец, насторожившись, прислушался.

Через миг всё затихло.

– Поздно уже, – сказал друид, поднимаясь на ноги. – Пойдём, юный де Креньян, родители тебя, поди, хватились уже.

– Пойдём, – покладисто согласился тот, всё ещё взъерошенный от пережитого страха. – Но ты же расскажешь ещё по дороге?

– Расскажу, – успокоил его друид, и они отправились в путь.

...Триединый пришёл гораздо позднее и как всё новое – из Литалийской империи.

Сначала появились его провозвестники, пилигримы, – страннные люди в длинных серых хламидах. В руках они несли посохи с крестообразным навершием, а в устах – Слово о единственно верном Боге и его сыновьях. В глазах «серых» полыхал фанатичный огонь, но они это умело скрывали в складках глубоких капюшонов. До поры скрывали.

Речи их были тягучи, как древесная смола в жаркий день,

обещания сладки, как липовый мёд. Они сулили вечный рай на небесах тем, кто примет нового Бога и станет жить по заветам его. Тем же, кто воспротивится, грозили муками ада. Ну как грозили... так, намекали пока что.

Гостеприимные вельты их привечали, благожелательно слушали и... отправляли восвояси с миром. Единственный Бог... Скажут же тоже. Как он один за всем уследит? Даже если он триединый и с сыновьями. Людей-то вон сколько, и у каждого прорва забот. Нет, один точно не управится, по старинке привычнее. Да и надёжнее, чего уж греха таить.

Но пилигримы не отступались, ходили по городам и весям, стучались в каждую дверь. И сыскивались те, до кого «серые» смогли достучаться. Не то чтобы вельты отказались от веры предков, но задобрить нового Бога им показалось нелишним. Там делов-то – свечку поставить, глядишь, и поможет.

Когда провозвестники Триединого завоевали первые души, они испросили монаршего разрешения строить в поселениях храмы для своего Бога. Верховный друид передал просьбу тогдашнему королю Хугесу Грубому, но выбрал не самое подходящее время. Да и место не годилось для важных разговоров – званый пир в честь совершеннолетия наследного принца. Поэтому монарх вникать особо не стал: от прошения отмахнулся, а на озабоченный вид мудреца и вовсе не обратил внимания.

– Пусть их строят, – заявил он, влив в себя десятую кварту

тёмного эля. – У нас этих богов – как навоза за конюшной. Одним больше, одним меньше – хуже не будет.

Будет или нет – в те счастливые времена ещё не знали, но королевское слово – закон, и с той поры в Бельтерне появились церкви Триединого. С молельными залами, колокольнями и крестами на остроконечных крышах.

Хугуес же на следующий день поехал на охоту, и его пришибло упавшее дерево. Тогда всё списали на случайность, но знающие увидели в происшествии недовольство богов. Через неделю от кровавого поноса помер его наследник, бесславно завершив королевскую династию. Но Грубый всё же оставил в истории след. С той поры всякое неумное, необдуманное и крайне поспешное решение стали называть Хугуевым...

– Каким-каким? – переспросил Ренард.

– Хугуевым, – повторил старец. – Не слышал такого выражения?

– Да нет вроде, – помотал головой Ренард. – А почему Триединый допустил такое? Хугуес же разрешил храмы строить.

– Да кто ж его знает, – усмехнулся Вейлир, – про то нужно спрашивать жрецов его. Серорясых.

– И всё-таки, – не унимался любознательный мальчишка, – что тут такого? Ну, прибавился ещё один Бог, ну, понастроили в его честь храмов. Что поменялось?

– Что поменялось? На первый взгляд почти ничего. Ал-

тарь другой и ритуал поклонения. Молитвы вместо песен и свечка взамен жертвенного петуха. И всё бы было как прежде, если бы не... Если бы Триединый не желал стать даже не первым среди многих, не старшим Богом – единственным. Всё остальное – ересь и подлежит уничтожению. А его жрецы жаждали человеческих жертв. Но они до времени скрывали намерения за благочестивым видом и сладкими словами, поджидая удачного момента. И они дождались. Это случилось недавно, лет за двадцать до твоего рождения.

...Хлотарю Первому из династии Меровехов понадобились деньги, чтобы укрепить свою власть. Слуги Триединого предложили ему и то и другое. Тогда из Литалийской империи приехала целая делегация верховных сановников. Уж какие они привели резоны, оставалось только догадываться, но Хлотарь покрестился сам и объявил Триединого единственно верным Богом. А когда такое заявляет король – мало кто захочет оспорить.

Литалийцы уехали довольные, а в государстве появился новый налог – церковная десятина.

И как любой народ не любит, когда на него давят, так и вельты сплотились вокруг древних богов. Повсеместно вспыхивали бунты, служителей Триединого побивали палками, его храмы сжигали. Но святую церковь уже было сложно остановить, и служители Триединого открыли своё подлинное лицо. Бунтовщиков нещадно карали. Резали, веша-

ли, сжигали целыми деревнями во славу истинного Бога. И вешали не святые отцы, а такие же вельты, только что обращённые в новую веру...

Ренард притих, поражённый не столько самой историей, сколько тем, что это происходит вот – практически на его памяти. Происходит и, похоже, не думает заканчиваться. А в голосе друида появился целый букет эмоций – горечь, злость и гнев на церковников.

...Друиды ушли в леса, ведьмы затихарились, ведуньи спрятались. Старым богам теперь поклонялись тайком. На сокрытых капищах, тех, что ещё не разрушили поборники новой веры. А культ Триединого набирал силу, разрастаясь по стране злоедучей плесенью. Церковь уже боролась не за души людей, целью стало другое. Власть. Право миловать и карать на своё усмотрение.

И чем больше святые отцы старались искоренить веру в древних богов, тем больше ожесточались их последователи. Им уже не хватало жертвенного агнца, и белыми петухами дело не обходилось. Теперь во имя Тевтата топили, для Эзуса вешали на деревьях, а ради Тараниса сжигали живьём. А во славу старших богов лили кровь прямо на землю, там, где заставляли инаковерцев.

Ведьмы теперь не отваживали *иных*, наоборот, призывали. И натравливали их на слуг Триединого. А как уж там получалось, никому и не ведомо. Некому было рассказывать

после такого.

Вдобавок ко всем бедам церковь Триединого принесла в наш мир новых *иных*. Только они называют их иначе. Демонами, бесами и чертями. Но происки их приписывали древним богам и карали за это вельтов.

Страшные пришли времена. Кровавые.

Тёмные.

Пока всё утихло, но это ненадолго. И помяни моё слово, скоро всё изменится к лучшему. Очень скоро...

* * *

Они вышли к опушке. Друид закончил рассказывать, умолк и остановился. Уже совсем стемнело, в небе зажглись первые звёзды, в траве надрывались сверчки и цикады.

– А что изменится, Вейлир? – осторожно, словно боясь его спугнуть, спросил Ренард.

– Узнаешь, когда придёт срок. Ну всё, беги, отрок. И спасибо тебе за твою доброту. – Старец подтолкнул спутника в спину, развернулся и пошёл обратно в чащу.

– Может, у нас переночуешь? – крикнул ему вслед Ренард.

– Я друид, что со мной будет в лесу? – донеслось из темноты. – И никому не говори, что меня видел.

– Ладно, не скажу, – пообещал Ренард, пожал плечами и припустил к дому.

За деревьями показались огни. Много огней. И они при-

ближались, раскинувшись в длинную цепь.

Что за невидаль?

Стало понятно, когда Ренард пересёк кромку леса и вышел на открытое пространство.

– Нашёл! Нашёл! Здесь он, господин де Креньян, бегите сюда! – крикнул кто-то из темноты.

Послышались возбуждённые голоса, усилился хруст травы под ногами, неровный ряд факелов дрогнул и выгнулся по направлению к Ренарду.

Кого нашёл? Кто потерялся? Почему кличут отца?

И Ренард поспешил навстречу.

Лучше бы не спешил...

Глава 4

Ответы на недавние вопросы оказались простыми – это его потеряли. На поиски подняли мужиков из ближайшей деревни и собрались уже прочёсывать лес, но тут пропажа сама объявилась. Ренарда обступил народ, осветив мальчика пляшущим огнём факелов. Подбежавший отец схватил сына за плечи, покрутил, и в его глазах промелькнуло облегчение. Только на миг. Потом его лицо застыло, взгляд налился тяжестью, губы сжались в тонкую полоску.

– Быстро домой. Завтра поговорим, – холодно приказал он и повернулся к крестьянам. – Спасибо вам, добрые люди, за отзывчивость. Завтра поутру пришлю в Фампу Тибо с вознаграждением.

Мужики обрадованно загалдели, поклонились де Креньяну в пояс на прощание и отправились восвояси.

А Ренард уже подходил к имению. Едва он зашёл во двор, навстречу бросились матушка и сёстры. Мать плакала, как обычно, прижимая к губам платочек, близняшки обнимали его, словно хотели задушить. В дверях показалась фигура брата и тут же исчезла. Жильбер даже не вышел, удостоверился только, что младший жив. Правда, не до конца понятно, из каких побуждений.

– Всё, Ора, хватит его нацеловывать. Он провинился, – вмешался старший де Креньян. – Ивонн, Элоиз, отпустите

негодника.

– Но я...

Ренард попытался объяснить причины своего позднего возвращения, на его взгляд, уважительные, но договорить ему не позволили.

– Иди спать, поздно уже, – отец оборвал сына тоном, не допускающим возражений, и повелительно указал на дом. – И, Симонет, только попробуй его накормить!

Последнюю фразу де Креньян обронил, не повернув головы, но в предположениях не ошибся. В ответ донеслось недовольное фырканье, прямоугольник света распахнутой двери на миг перекрыла тень толстой стряпухи, послышались удаляющиеся шаги. Симонет не изменила своим привычкам.

Сам же «негодник» пожелал родным покойной ночи и с независимым видом отправился в свою комнату, искренне не понимая, отчего все так взбудоражились. Он же не сгинул. Вот он, живой и здоровый. Зачем без ужина оставлять-то? Ну припозднился чуток, что тут такого?

* * *

Что тут такого, ему объяснил отец на следующее утро. Самым доступным и доходчивым образом.

Ренард как ни в чём не бывало вышел во двор на ежедневный урок по фехтованию, но старший де Креньян вместо привычной тренировочной палки почему-то держал в ру-

ке лозину. Тонкую – с палец, длинную и упругую. Рядом с ним зачем-то стояла старая лавка, притащенная из конюшни.

«Для чего? И прут – слабая замена мечу. Или пере что-то новенькое придумал? Интересно будет узнать», – проскочила у Ренарда мысль.

Интерес пропал с первыми же словами отца.

– Сударь мой, ты виноват. Мать едва не слегла от волнений, девочки все глаза проглядели, я ноги сбил. Мы уже думали, что ты потерялся. По твоей милости я целую деревню взбаламутил на ночь глядя.

Де Креньян говорил спокойно, но от этого Ренарду становилось ещё больше стыдно. Лучше бы кричал. И «сударь мой»... Так отец его ещё никогда не называл.

– Да что со мной могло... – начал было Ренард и осёкся.

Вчера Вейлир в подробностях рассказал, кого можно встретить в лесу и чем это грозит запоздалому путнику. И ещё вспомнилось данное старику обещание. А слово нужно держать, он и без того вчера чуть не проговорился случайно.

Де Креньян пытливо посмотрел на сына:

– Ничего не хочешь мне рассказать? – спросил он, явно о чём-то догадываясь.

Ренард упрямо сжал губы и отрицательно помотал головой.

– Тогда ложись, – отец указал лозиной на лавку. – И шоссы снимай.

Ренард послушно скинул портки и улёгся на шершавые доски. Хоть раньше его физически не наказывали, он понимал, что последует дальше. Как выяснилось, не до конца.

– Помнишь, я тебе говорил, что лица благородного может касаться только рука любимой женщины? – спросил отец и взмахнул лозиной, со свистом разрезав воздух.

– Угу, – буркнул Ренард.

– Так вот, сударь мой, этот постулат не относится ни к деснице отца, ни к твоей заднице, – добавил де Креньян и занёс руку.

Лозина пронзительно свистнула снова, и кожу пониже спины прочертила жгучая боль.

– Ай! – вскрикнул Ренард, дёрнувшись всем телом, и заголосил: – Пере, я всё понял, не надо, пере! Я больше не буду!

– Лежи смирно, до понимания тебе ещё далеко. И ещё запомни: благородный должен уметь скрывать свои чувства и мужественно переносить боль, – ответил отец и вновь замахнулся.

Новый удар пришёлся на другую ягодицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.